

ISSN 2412-8228

№ 12 (14)

2016

ДЕКАБРЬ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

• СВИДЕТЕЛЬСТВО РОСКОМНАДЗОРА ПИ № ФС 77 - 62020 •

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ № 12 (14) 2016

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»
WWW.SCIENCEPROBLEMS.RU
ЖУРНАЛ: WWW.LEGALSCIENCE.RU

9 772412 182206

Отечественная
юриспруденция
№ 12 (14), 2016

Москва
2016

Отечественная юриспруденция

№ 12 (14), 2016

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Вальцев С.В.

Зам. главного редактора: Ефимова А.В.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Чиладзе Г.Б. (д-р юрид. наук, Грузия), *Губарева Т.И.* (канд. юрид. наук, Россия), *Жамулдинов В.Н.* (канд. юрид. наук, Россия), *Упоров И.В.* (канд. юрид. наук, д-р ист. наук, Россия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абдуллаев К.Н. (д-р филос. по экон., Азербайджанская Республика), *Алиева В.Р.* (канд. филос. наук, Узбекистан), *Акбулаев Н.Н.* (д-р экон. наук, Азербайджанская Республика), *Аликулов С.Р.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Ананьева Е.П.* (д-р филос. наук, Украина), *Асатурова А.В.* (канд. мед. наук, Россия), *Аскарходжаев Н.А.* (канд. биол. наук, Узбекистан), *Байтасов Р.Р.* (канд. с.-х. наук, Белоруссия), *Бакиев И.В.* (канд. наук по физ. воспитанию и спорту, Украина), *Бахор Т.А.* (канд. филол. наук, Россия), *Баулина М.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Блейх Н.О.* (д-р ист. наук, канд. пед. наук, Россия), *Богомолов А.В.* (канд. техн. наук, Россия), *Волков А.Ю.* (д-р экон. наук, Россия), *Гавриленкова И.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Гарагонич В.В.* (д-р ист. наук, Украина), *Глуценко А.Г.* (д-р физ.-мат. наук, Россия), *Грищенко В.А.* (канд. техн. наук, Россия), *Губарева Т.И.* (канд. филол. наук, Россия), *Гутникова А.В.* (канд. филол. наук, Украина), *Датий А.В.* (д-р мед. наук, Россия), *Демчук Н.И.* (канд. экон. наук, Украина), *Дивненко О.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Доленко Г.Н.* (д-р хим. наук, Россия), *Есенова К.У.* (д-р филол. наук, Казахстан), *Жамулдинов В.Н.* (канд. юрид. наук, Россия), *Жолдошев С.Т.* (д-р мед. наук, Кыргызская Республика), *Ильинских Н.Н.* (д-р биол. наук, Россия), *Кайракбаев А.К.* (канд. физ.-мат. наук, Казахстан), *Кафтаева М.В.* (д-р техн. наук, Россия), *Кобланов Ж.Т.* (канд. филол. наук, Казахстан), *Ковалёв М.Н.* (канд. экон. наук, Белоруссия), *Кривошапа Т.М.* (канд. психол. наук, Казахстан), *Кузьмин С.Б.* (д-р геогр. наук, Россия), *Куликова Э.Г.* (д-р филол. наук, Россия), *Курманбаева М.С.* (д-р биол. наук, Казахстан), *Курпаяниди К.И.* (канд. экон. наук, Узбекистан), *Линькова-Даниельс Н.А.* (канд. пед. наук, Австралия), *Лукиченко Л.В.* (д-р техн. наук, Россия), *Макаров А. Н.* (д-р филол. наук, Россия), *Мацаренко Т.Н.* (канд. пед. наук, Россия), *Мейманов Б.К.* (д-р экон. наук, Кыргызская Республика), *Назаров Р.Р.* (канд. филос. наук, Узбекистан), *Наумов В. А.* (д-р техн. наук, Россия), *Овчинников Ю.Д.* (канд. техн. наук, Россия), *Петров В.О.* (д-р искусствоведения, Россия), *Радкевич М.В.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Розыходжаева Г.А.* (д-р мед. наук, Узбекистан), *Рубцова М.В.* (д-р социол. наук, Россия), *Самков А. В.* (д-р техн. наук, Россия), *Саньков П.Н.* (канд. техн. наук, Украина), *Селитренникова Т.А.* (д-р пед. наук, Россия), *Сибирцев В.А.* (д-р экон. наук, Россия), *Скрипко Т.А.* (канд. экон. наук, Украина), *Солов А.В.* (д-р ист. наук, Россия), *Стрекалов В.Н.* (д-р физ.-мат. наук, Россия), *Стукаленко Н.М.* (д-р пед. наук, Казахстан), *Субачев Ю.В.* (канд. техн. наук, Россия), *Сулейманов С.Ф.* (канд. мед. наук, Узбекистан), *Трегуб И.В.* (д-р экон. наук, канд. техн. наук, Россия), *Упоров И.В.* (канд. юрид. наук, д-р ист. наук, Россия), *Федоскина Л.А.* (канд. экон. наук, Россия), *Цуцулия С.В.* (канд. экон. наук, Россия), *Чиладзе Г.Б.* (д-р юрид. наук, Грузия), *Шамшина И.Г.* (канд. пед. наук, Россия), *Шарипов М.С.* (канд. техн. наук, Узбекистан), *Шевко Д.Г.* (канд. техн. наук, Россия).

Выходит 12 раз в год

Подписано в печать:
23.12.2016

Дата выхода в свет:
26.12.2016

Формат 70x100/16.
Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,01
Тираж 1 000 экз.
Заказ № 1004

**Территория
распространения:
зарубежные страны,
Российская
Федерация**

ТИПОГРАФИЯ
ООО «ПресСто».
153025, г. Иваново,
ул. Дзержинского, 39,
строение 8

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «Олимп»
153002, г. Иваново,
Жиделева, д. 19

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Проблемы науки»

Свободная цена

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

153008, РФ, г. Иваново, ул. Лежневская, д.55, 4 этаж
Тел.: +7 (910) 690-15-09.

<http://legalscience.ru> e-mail: admbestsite@yandex.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС 77-62020.

Редакция не всегда разделяет мнение авторов статей, опубликованных в журнале
Учредитель: Вальцев Сергей Витальевич

© Отечественная юриспруденция / 2016

Содержание

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	5
<i>Гусева О. В.</i> Конституционно-правовые гарантии получения высшего образования в Российской Федерации	5
<i>Смирнов А. С.</i> О юридической силе постановлений пленума Верховного суда РФ.....	7
<i>Щербакова О. В.</i> К вопросу о категории конституционно-правовой ответственности в современной российской юридической науке.....	10
<i>Сторожева Е. С.</i> Дискуссионные вопросы определения момента начала законодательной инициативы	12
<i>Сторожева Е. С.</i> К вопросу о фактическом окончании законодательной инициативы в рамках законодательного процесса РФ	15
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО.....	18
<i>Сергиевич В. А., Шугурова И. В.</i> Проблемы становления и развития института «право быть забытым»	18
<i>Джумаева С. А., Джуманова Х. С.</i> Преподавание «Прав человека» в системе высшего образования.....	20
<i>Сафаргалеева Я. Р.</i> Государственный алиментный фонд – «за» и «против».....	23
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	26
<i>Пащенко И. В.</i> Современные практики дерадикализации осужденных за проявление религиозного экстремизма: мировой опыт	26
<i>Сараев Н. В., Чекина А. В.</i> Современный терроризм как угроза национальной безопасности России: уголовно-правовой аспект	34
<i>Кобельков А. А.</i> Дорожно-транспортные преступления как частный случай причинения тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности.....	37
<i>Меднов М. Р.</i> Криминологическая характеристика серийных убийств, проблемы и перспективы развития	40
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	44
<i>Федюкина А. Ю.</i> Электронный носитель информации как доказательство по уголовным делам.....	44
<i>Середнев В. А., Езутов А. В.</i> Отрицательное воздействие Западного либерального мировоззрения на уголовное судопроизводство России, на примере протестантских воззрений И. Канта и Г. Гегеля	46
<i>Нурмухаметов Р. Н.</i> Сущность и общая характеристика апелляционного производства по уголовным делам в Российской Федерации	56
<i>Абдурахманов К. А.</i> Законность как основополагающий принцип уголовного судопроизводства.....	59

<i>Тарасов А. И.</i> Деятельность по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, как самостоятельная стадия уголовного процесса Российской Федерации.....	61
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	63
<i>Беляков П. А.</i> Защита прокурором права граждан на обращение в сфере исполнения уголовных наказаний.....	63
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	68
<i>Плецева М. В., Плюхина М. А.</i> Совершенствование законодательства в сфере микрофинансирования.....	68
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС.....	71
<i>Кубатова С. Н.</i> Критика концепции «единого правоотношения» при рассмотрении групповых исков в арбитражном процессе РФ.....	71

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Конституционно-правовые гарантии получения высшего образования в Российской Федерации Гусева О. В.

Гусева Ольга Васильевна / Guseva Olga Vasilevna – кандидат исторических наук, кафедра конституционного и муниципального права, юридический факультет, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов

Аннотация: в статье анализируются нормативно-правовые акты, в которых освещаются вопросы конституционно-правовых гарантий получения высшего образования в Российской Федерации. Рассматривается содержание и практическая реализация образовательной политики в РФ.

Abstract: the article analyzes the normative - legal acts which cover issues of constitutional and legal guarantees of getting higher education. Examines the content and practical implementation of educational policy in the Russian Federation.

Ключевые слова: высшее образование, образовательное право, образовательная политика государства.

Keywords: higher education, educational aw, educational policy of the state.

Конституция Российской Федерации провозгласила государство правовым, что определяет наличие широких прав и свобод российских граждан. Право российских граждан на получение образования гарантируется не только Конституцией РФ, но и целым рядом нормативно-правовых документов. Среди них - Федеральный закон «Об образовании» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, Концепция модернизации российского образования, а также региональными законодательными актами.

Доступ к получению всестороннего и качественного образования является одним из основополагающих прав граждан РФ. Правительство РФ уделяет достаточно большое внимание вопросам образования, развития образовательных учреждений разной направленности в стране, разрабатываются принципы построения российского образования на современном этапе развития общества, такие как: приоритет общечеловеческих интересов, воспитание подрастающей личности с учетом национальных особенностей, взаимодействие образовательных программ различных уровней и направленности, формирование единого образовательного стандарта на территории РФ, соблюдение преемственности всех ступеней образовательного процесса [3, с. 16-17].

Государственные гарантии в области образования достаточно широки. Так, доступ к образованию гарантируется всем гражданам РФ, независимо от пола, расы, национальной и религиозной принадлежности, языковой группы, социального происхождения, места жительства, идеологических убеждений, возраста, состояния здоровья, имущественного или должностного статуса, наличия судимости.

Государство берет на себя обязательства по созданию сети образовательных организаций, начиная от дошкольных развивающих до высших профессиональных учебных заведений, в том числе и военной направленности. Формируются социально-экономические условия для организации образовательного процесса. Например, государство берет на себя реализацию права на образование малоимущих граждан, организует социальную поддержку нуждающимся семьям. В вузах государство организует параллельное сосуществование бюджетной и коммерческой форм

обучения. Тут можно также говорить о том, что государство предоставляет гражданам выбор образовательных организаций и образовательных программ обучения вне зависимости от социального или материального положения семьи, и места ее проживания, формируются квалифицированные преподавательские кадры, способные давать качественное многоуровневое образование [1, с. 180-181].

В последнее время особенно актуальным становится вопрос создания единой образовательной среды и для детей с ограниченными возможностями (инвалидов). Создаются и функционируют специализированные коррекционные школы для детей, имеющих недостатки в физическом или психическом развитии, что способствует их дальнейшей адаптации в общественном пространстве. Для таких школ идет подготовка специальных кадров, разрабатываются особые образовательные программы. Помимо инвалидов особые гарантии в системе высшего образования распространяются на такую категорию населения, как дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

Еще одним важным вопросом является воспитание и образование особо одаренных детей. Правительство оказывает всестороннее содействие развитию талантов. Дети, проявившие способности в любой сфере, получают право обучаться в специализированных учебных заведениях, получают право на государственные стипендии и гранты, льготы при поступлении в вуз [2, с. 22].

Доступность образования предполагает и сопровождение воспитательно-образовательного процесса. Право на образование гарантирует гражданам доступ к фондам государственных, региональных и муниципальных библиотек, посещению любых учреждений культуры и т. д.

Таким образом, в Российской Федерации конституционное право граждан на получение образование дополняется федеральными законами, которые особо оговаривают права отдельных категорий населения – малоимущих, военнослужащих, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Литература

1. *Акчурина Г. Р.* Образовательная услуга и ее особенности в рамках модернизации российского образования // Актуальные вопросы экономических наук, 2013. № 33.
2. *Вахитов Д. Р., Ковалькова Е. Ю., Нуртдинов Р. М.* Проблемные аспекты реформирования высшего образования в Российской Федерации // Вестник Казанского технологического университета, 2013. № 2. Т. 16.
3. *Киселев И. В.* Влияние международных процессов на содержание конституционного права на получение высшего образования в Российской Федерации // Вестник Омской Юридической академии, 2016. № 1 (30).
4. *Кретова Л. А.* Влияние реформ современной России на реализацию конституционного права на образование // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, 2008. № 1.
5. *Плотников А. А., Петренко Н. И.* Конституционное право на образование // Марийский юридический вестник, 2015. № 4 (15).

О юридической силе постановлений пленума Верховного суда РФ Смирнов А. С.

*Смирнов Андрей Сергеевич / Smirnov Andrey Sergejevich - ассистент,
кафедра государственного права и управления таможенной деятельностью,
Владимирский государственный университет, г. Владимир*

Аннотация: данная статья посвящена юридической силе постановлений пленума Верховного суда России. Проведенное исследование дает основание утверждать, что указанные постановления фактически обязательны для всех правоприменителей, хотя законодательно это не закреплено, что идет вразрез с принципом разделения властей. Приводятся пути решения данного разногласия с действующим законодательством.

Abstract: this article deals with the legal force of decisions of the plenum of the Supreme Court of Russia. The study gives reason to believe that these regulations in fact mandatory for all law enforcers, though legally it is not fixed, that is at odds with the principle of separation of powers. Giving solutions of the differences with the current legislation.

Ключевые слова: Конституция, материальное и процессуальное законодательство, разъяснения законодательства высшими судами.

Keywords: Constitution, substantive and procedural law, clarifying of legislation by the higher courts.

Вопрос о юридической силе Постановлений Пленума Верховного суда РФ имеет большое значение, поскольку данные постановления правоприменителями трактуются фактически как нормативно – правовые акты.

Хотя, в соответствии с Конституцией РФ, а именно со статьёй 126, Верховный Суд РФ осуществляет судебный надзор за деятельностью судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики [1]. Вопрос разъяснений даваемых Верховным Судом РФ по вопросам судебной практики уточнен в пункте 1 части 7 статьи 2 федерального конституционного закона «О Верховном Суде РФ», согласно которого Верховный Суд РФ в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения [2], а в соответствии с пунктом 1 части 3 статьи 5 данного федерального конституционного закона эти полномочия принадлежат Пленуму Верховного Суда РФ, который рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства РФ [2]. Из смысла части 5 статьи 5 федерального конституционного закона «О Верховном Суде РФ» [2] следует, что разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения даются в виде постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Ни в Конституции РФ, ни в федеральном конституционном законе «О Верховном Суде РФ», ни в иных федеральных законах не указано о юридической силе разъяснений Верховного Суда РФ. В действующем на территории РФ законодательстве нигде не сказано ничего о том, что указанные разъяснения являются обязательными для правоприменителей и судов РФ, поскольку статьёй 120 Конституции РФ установлено, что судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону [1].

При этом, до недавнего времени - момента вступления в законную силу Федерального конституционного закона от 07.02.2011 N 1-ФКЗ (ред. от 12.03.2014) «О судах общей юрисдикции в РФ» [3] действовала норма Закона РСФСР от 08.07.1981 «О судостроительстве РСФСР», а именно абзаца 3 статьи 56, согласно которого руководящие разъяснения Верховного Суда РФ обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение [4].

Но, как известно, в правоприменительной практике судов РФ сложилось и в настоящее время всё осталось по - прежнему, так как по факту, разъяснения, содержащиеся в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, являются обязательными для всех судов.

Поскольку Верховный Суд РФ осуществляет судебный надзор за деятельностью судов – то в случае принятия судом решения или иного судебного акта в разрез с выраженной Верховным судом РФ позицией, содержащейся в Постановлении его пленума, по разъяснению аналогичного вопроса из судебной практики, то с максимальной долей вероятности (около 100 процентов), можно утверждать, что такое решение или судебный акт будет отменен, либо судом 2 инстанции, либо самим Верховным судом РФ, в случае их обжалования в порядке надзора. Ведь, согласно пункта 1 части 1 статьи 7 данного федерального конституционного закона «О Верховном Суде РФ» - Президиум Верховного Суда РФ, в соответствии с процессуальным законодательством РФ и в целях обеспечения единства судебной практики и законности проверяет в порядке надзора, в порядке возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам вступившие в силу судебные акты [2]. В состав президиума Верховного суда РФ, как и в состав его пленума, входят Председатель Верховного Суда РФ, заместители Председателя Верховного Суда РФ, что установлено первыми частями статей 5 и 6 федерального конституционного закона «О Верховном Суде РФ» [2], то есть одни и те же лица.

Неужели указанные лица примут решение в разрез с постановлениями ими же самими и утвержденными.

Из изложенного следует, что Постановления Пленума Верховного суда РФ, фактически являются нормативно – правовыми актами обязательными для всех судов и правоприменителей – поскольку решения принимают суды, фактически руководствующиеся в своей деятельности разъяснениями Верховного суда РФ по вопросам судебной практики, в которые обращаются в случаях возникновения спора между лицами, либо в случаях обжалования действий иных правоприменителей. То есть, к разъяснениям Верховного суда РФ по вопросам судебной практики применимо выражение «Начальник всегда прав». По сути, положения советского законодательства, в части обязательности разъяснений Верховного суда для всех правоприменителей, продолжают действовать и в настоящее время.

Аналогичной позиции по данному вопросу придерживаются многие исследователи, однако пути решения данной проблемы не конкретизированы.

Получается, что Верховный суд РФ вторгается в область законотворчества, чем нарушает конституционный принцип разделения властей и действующую в РФ нормативно - правовую систему, устанавливая элемент прецедентного права. Так, например, в соответствии с разъяснениями Постановления Пленума Верховного суда от 28.06.2012 N 16 вступивший в законную силу приговор, постановленный в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не может предрешать вопрос о виновности соучастников, совершивших преступление совместно с таким лицом [5], то есть, такой приговор, согласно разъяснений Верховного суда РФ, не имел преюдициального значения, хотя статья 90 УПК РФ, на тот момент таких ограничений не имела, такие изменения были внесены в данную статью, только Федеральным законом от 29.06.2015 N 191-ФЗ [6]. Таких примеров можно привести множество и не только в области процессуального законодательства, но и материального.

Таким образом, считаю, что устранить имеющиеся противоречия действующего законодательства, исходя из фактической юридической силы разъяснений Верховного суда РФ по вопросам судебной практики, можно только путем внесения изменений, по конкретным вопросам, в действующее законодательство, с учетом мнения Верховного суда РФ, а также путем передачи полномочий по разъяснению порядка применения судами и другими правоприменителями действующего федерального законодательства Государственной Думе Федерального Собрания РФ, которые могут

быть реализованы путем вынесения Постановлений Государственной Думы РФ о порядке применения федеральных законов и конкретных статей кодексов. Ведь ни у кого же не вызывает сомнений и противоречий в том, что, в случае неясностей, для лиц обязанных исполнять конкретное решение суда – такое решение разъясняет суд его принявший, а не судебный пристав – исполнитель его исполняющий. Так почему же, в случаях с федеральными законами, при неясности порядка их применения, на практике порядок применения федеральных законов устанавливает и фактически дает федеральным законам трактовку правоприменитель – Верховный суд РФ?

Для претворения в жизнь предложения, изложенного в данной статье необходимо внести соответствующие изменения в Конституцию РФ и федеральные конституционные законы.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). [Электронный ресурс]: СПС Консультант плюс. Режим доступа: www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.11.2016).
2. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 N 3-ФКЗ (ред. от 15.02.2016) О Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.11.2016).
3. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N 1-ФКЗ (ред. от 12.03.2014) О судах общей юрисдикции в Российской Федерации. [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.11.2016).
4. Закон РСФСР от 08.07.1981 (ред. от 07.05.2009) О судоустройстве РСФСР. [Электронный ресурс]: СПС Консультант плюс. Режим доступа: www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.11.2016).
5. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 16 // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2012. № 9.
6. Федеральный закон от 29.06.2015 N 191-ФЗ О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // [Электронный ресурс]: СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.11.2016).

К вопросу о категории конституционно-правовой ответственности в современной российской юридической науке Щербакова О. В.

*Щербакова Ольга Васильевна / Shcherbakova Olga Vasilievna – аспирант,
кафедра конституционного и международного права,
Юридический институт
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь*

Аннотация: в статье анализируются проблемы научного определения категории и развития института конституционно-правовой ответственности в современной России. Рассматриваются современное состояние, теоретические и доктринальные проблемы, пробелы нормативного закрепления, тенденции развития конституционно-правовой ответственности как категории юриспруденции и правового института в российской правовой системе. Обосновываются изменения в конституционном законодательстве, связанные с нормативным закреплением конституционно-правовой ответственности.

Abstract: the article analyzes the problems of the scientific definition of the category and development of the institution of constitutional and legal responsibility in modern Russia. We consider the current state of theoretical and doctrinal issues, gaps regulatory consolidation, development trends of the constitutional and legal responsibility as a category of law and legal institutions in the Russian legal system. Settle changes in constitutional law related to regulations fixing the constitutional and legal responsibilities.

Ключевые слова: конституционная ответственность, конституционно-правовая ответственность, юридическая ответственность, право.

Keywords: constitutional responsibility, constitutional and legal LIABILITY, legal liability, right.

Феномен юридической ответственности есть неотъемлемая часть права, как социального явления. Категория юридической ответственности есть неотъемлемая часть юридической теории и правовой доктрины. Ответственность (позитивная) есть неотъемлемая часть правомерного поведения. Ретроспективная (негативная) ответственность – основа обеспечения законности и правопорядка. Несколько утрируя, можно сказать, что именно юридическая ответственность и делает из социальных норм правовые, является одним из важнейших признаков объективного права в его классическом понимании. Всё это позволяет говорить о неизменной актуальности исследования вопросов юридической ответственности.

Достаточно характерным для современной российской правовой науки является следующее определение: «юридическая ответственность – наиболее строгий и предельно формализованный вид социальной ответственности. Наказание за правонарушения, особенно за преступления, как правило, предусматривается и объявляется всему обществу заранее. Человек знает, что ему грозит, если он преступит тот или иной закон, нарушит ту или иную правовую норму. При других видах социальной ответственности этого нет» [1]. Таким образом, мы видим здесь следующие признаки юридической ответственности формализация, ретроспективность, строгость. Безусловно, формализация является тем, что отличает именно юридическую ответственность (не исключая достаточную степень формализации, возможную для иных видов социальной ответственности), однако два других признака могут быть приняты с определенными оговорками. Ответственность не столько «строгое», сколько «широкое» явление и вмещает меры от предупредительных до весьма суровых; ретроспективность же – признак только одной ипостаси ответственности, пусть и наиболее значимой – ретроспективной ответственности.

Одной из существенных проблем института конституционно-правовой ответственности на современном этапе развития конституционно-правовой науки является проблема нормативных источников конституционно-правовой ответственности. Нормы конституционно-правовой ответственности не систематизированы, в законодательстве не имеется перечня мер и санкций конституционно-правовой ответственности, не всегда возможно отграничение конституционно-правовой ответственности от других видов публично-правовой ответственности.

Весьма интересное решение для разрешения «проблемы несистемности» предлагает Н. М. Колосова, указывая на возможность принятия «рамочного» федерального конституционного закона, содержащего нормы, систематизирующие конституционно-правовые отношения в рассматриваемой сфере [2, с. 46]. Теоретически это, безусловно, вполне возможно. Однако для реализации этой конституционно-правовой новеллы необходимо сначала принять один или несколько Законов о поправке к Конституции Российской Федерации. Это путь непростой, но вполне реализуемый, и, полагаем, перспективный.

Что же касается проблемы отделения конституционно-правовой ответственности от иных видов публично-правовой ответственности, то важнейшим будет отнесение юридически-значимого (неправомерного) действия к тому или иному виду правоотношений. При этом состав субъектов ответственности и характер мер ответственности будет играть роль далеко не всегда. Так, например, М. И. Цапко указывает на универсальность следующего критерия разграничения конституционно-правовой и административно-правовой ответственности в части применения такой меры публично-правовой ответственности, как отмена правового акта органа публичной власти: «Укажем демаркационную линию между конституционно-правовой и административной ответственностью [...]: мерой конституционно-правовой ответственности будет выступать отмена нормативно-правового акта, мерой административной ответственности – отмена правового акта управления» [3, с. 15]. То есть в данном случае критерием будет выступать не субъект публично-правовой ответственности (орган публичной власти) и не мера публично-правовой ответственности (отмена акта), а характер самого акта – нормативный или индивидуальный (акт управления).

Отметим, также, два обстоятельства, значимых для понимания крайне непростого положения, сложившегося в конституционно-правовой науке относительно рассматриваемой категории. Во-первых, очевидно, что «обособление данного вида юридической ответственности обусловлено также, особым предметом и методом регулирования; важными функциями государственного права, особой значимостью конституционных норм и процедурой их реализации в жизни общества» [4]. Во-вторых, конституционно-правовая ответственность является также элементом конституционно-правового статуса субъектов избирательных правоотношений и по поводу элементного состава и сущности правового статуса в науке, места в нем конституционно-правовой ответственности и её характеристики, как элемента статуса не прекращается давняя и достаточно острая дискуссия [5, с. 67].

Таким образом, основные категориальные проблемы конституционно-правовой ответственности лежат в плоскости недостаточности законодательного регулирования института конституционно-правовой ответственности.

Литература

1. Теория государства и права. В 2 ч. / Под ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало, 2011.
2. Колосова Н. М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. М.: Городец, 2000.

3. Цанко М. И. К вопросу об административной ответственности органов публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление, 2016. № 9. С. 13-16.
4. Конституционно-правовая ответственность: Проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. Авакьяна С. А. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.
5. Мухачев И. В., Цанко М. И. Конституционно-правовой статус юридической науки в ситуации концептуальной неопределенности // Общество и право, 2012. № 5 (42). С. 66-71.

Дискуссионные вопросы определения момента начала законодательной инициативы Сторожева Е. С.

*Сторожева Елена Сергеевна / Storozheva Elena Sergeevna – магистрант,
кафедра конституционного и муниципального права,
Институт права
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград*

Аннотация: в данной статье анализируются различные подходы к определению начального этапа реализации права законодательной инициативы в рамках законотворческого процесса. Приводятся мнения, встречающиеся в юридической литературе, относительно самого определения законодательной инициативы. Раскрывается содержание широкого и узкого понимания законотворческой инициативы на данном этапе. Автор приводит выводы относительно того, что именно считать фактическим началом реализации права законодательной инициативы.

Abstract: this article examines the different approaches to determining the initial stage of the legislative initiative as part of the legislative process. Cites the opinion found in legal literature with respect to the definition of legislative initiative. The content of the broad and narrow understanding of the legislative initiative at this stage. The author provides conclusions about what is regarded as the actual beginning of the realization of the right of legislative initiative.

Ключевые слова: законодательная инициатива, законодательный процесс, субъект законодательной инициативы, разработка законопроекта.

Keywords: legislative initiative, the legislative process, the subject of legislative initiative, to develop the bill.

Вопрос о начале и окончании процесса реализации права законодательной инициативы не имеет до сих пор четкого нормативного закрепления, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ. На сегодняшний день среди ученых нет единства мнений в определении момента начала и окончания данной стадии.

В дореволюционный период М. А. Рейснер писал о том, что «инициатива (законодательный почин) реализуется путем внесения в законодательный орган проекта закона, который далее следует по иным стадиям» [1, с. 36]. В свою очередь, А. Д. Градовский говорил о «законодательном предложении, которое может быть затем облечено в форму проекта, а может быть отклонено законодателем по мотиву нецелесообразности» [1, с. 36].

Следует отметить тот факт, что приведенные определения законодательной инициативы отмечают лишь права инициатора (в первую очередь его право внесения проекта), а соответствующие данному правомочию обязанности законодательного органа не указывают. Данное упущение восполнено в определении, предложенном М. Б. Горенбергом, в соответствии с которым законодательная инициатива

представляет собой «...внесение законопроектов, подлежащих обязательному рассмотрению со стороны законодательных органов». [1, с. 37]. Выявление правомочий инициатора законотворческого процесса и обязанностей законотворческого органа позволяет говорить о наличии особого правоотношения, субъектами которого являются законодатель и инициатор.

В настоящее время в спорах по вопросу момента начала такой стадии законотворческого процесса как законодательная инициатива наиболее распространены две точки зрения. Одни авторы ограничивают законодательный процесс рамками официального прохождения законопроекта в представительном органе и, соответственно, его началом считают момент внесения законодательной инициативы [2, с. 4]. В таком случае законодательный процесс включает в себя лишь ряд парламентских процедур, начиная от внесения законопроекта и заканчивая опубликованием принятого закона и его вступлением в силу [3, с. 39]. В свою очередь, сторонники широкого понимания законодательного процесса также включают в него всю предварительную деятельность по подготовке проекта закона [4, с. 123].

Таким образом, в юридической литературе выработалось два основных подхода к вопросу о том, что считать фактическим началом законодательной инициативы. Большинство исследователей, в том числе Т. В. Цгоев, указывают на то, что реализацию права правотворческой инициативы можно считать начатой тогда, когда идея создания правового акта направляется в установленном порядке в правотворческий орган, а оконченной тогда, когда проект акта или продолжение высказанного предложения принимается правотворческим органом, и это фиксируется в установленном законом или другими правовыми актами порядке, и правотворческий орган начинает заниматься этим проектом или предложением [5, с. 36].

При этом, реализация правотворческой инициативы в различных правотворческих органах проходит следующие стадии: 1) высказывание намерения о внесении инициативы; 2) внесение намерения о будущем внесении правотворческой инициативы в план правотворческой деятельности органа; 3) внесение инициативы; 4) регистрация инициативы правотворческим органом; 5) включение инициативы в повестку дня, план рассмотрения; 6) внесение поправок, дополняющих первоначальную идею [5, с. 37].

Вместе с тем, с приведенной точкой зрения существует мнение, согласно которому начальным этапом законодательной инициативы выступает вся предварительная деятельность по подготовке проекта закона, в том числе возбуждение вопроса об издании закона, выявление потребности в его принятии, его научная, экспертная, организационная подготовка. Д. А. Кудрявцев справедливо отмечает, что работа по подготовке законопроекта, которая осуществляется в условиях широкой гласности, с участием многих лиц и коллективов, составляет наиболее существенную часть подобной деятельности [6, с. 37].

Однако подобная организационная подготовка по характеру и функциональному назначению существенно отличается от действий, которые совершаются при внесении законопроекта в законодательный орган. Такого рода подготовительная деятельность служит лишь основой для реализации субъектом права законодательной инициативы, она призвана содействовать осуществлению данного права, создавая для этого необходимые предпосылки. Основное отличие состоит в том, что действия, обеспечивающие реализацию права законодательной инициативы и подготовку проекта закона, выполняются различным субъектным составом. Внести проект в парламент может только специально на то уполномоченное лицо (орган), тогда как круг субъектов, готовящих законопроект, четко не определен.

Следует иметь в виду, что законодательная инициатива должна осуществляться строго в рамках процессуально-правовых отношений, обязательным субъектом которых выступает законодательный орган. А это означает, что начало реализации законодательной инициативы сопряжено лишь со вступлением в такие отношения

законодательного органа, то есть оно имеет место с того момента, когда проект закона уже внесен в такой орган.

Ввиду этого в научной литературе отмечается, что ключевым юридическим фактом при возникновении правоотношения, связанного с реализацией права законодательной инициативы, является момент волеизъявления самого субъекта права законодательной инициативы [6, с. 37].

Вместе с тем, С. В. Бошно считает, что лишь первая стадия законодательного процесса оканчивается внесением проекта, тогда как субъективные правомочия инициатора проекта имеют место и на последующих стадиях. Соответственно, если законодательную инициативу рассматривать как комплекс правоотношений по представлению законопроекта, то она охватывает все процедуры от представления законопроекта или законодательного предложения до их рассмотрения и принятия, или отклонения или возвращения законопроекта субъекту законодательной инициативы [7, с. 32].

Таким образом, на наш взгляд, наиболее верным представляется связывать начало реализации права законодательной инициативы с внесением законопроекта в законодательный орган, так как именно с этого момента возникает обязанность последнего принять его к рассмотрению. В последующем реализация законодательной инициативы продолжается в законодательном органе вплоть до принятия внесенного законопроекта к дальнейшему обсуждению и рассмотрению либо отклонения такого законодательного предложения.

Литература

1. *Айтов П. Б.* Внесение законопроекта как стадия законодательного процесса // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал, 2015. № 4. С. 36-40.
2. *Антонова Л. И.* О стадиях правотворческого процесса в СССР // Правоведение, 1966. № 1. С. 4-8.
3. Парламентское право России / под ред. О.Н. Булакова. М.: Юрист, 2009. 400 с.
4. *Колдаева Н. Н.* Законодательная инициатива как правовой институт // Советское государство и право, 1970. № 9. С. 121-124.
5. *Цгоев Т. В.* Правотворческая инициатива. Владикавказ, 2008. 155 с.
6. *Кучерявцев Д. А.* Правоотношение законодательной инициативы (на примере Российской Федерации и ее субъектов) // Конституционное и муниципальное право, 2013. № 12. С. 37-45.
7. *Бошно С. В.* Законодательная инициатива в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 197 с.

К вопросу о фактическом окончании законодательной инициативы в рамках законодательного процесса РФ

Сторожева Е. С.

*Сторожева Елена Сергеевна / Storozheva Elena Sergeevna – магистрант,
кафедра конституционного и муниципального права,
Институт права
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград*

Аннотация: в данной статье анализируются различные подходы к определению завершающего этапа реализации права законодательной инициативы в рамках законотворческого процесса РФ. Приводится сущностная характеристика законодательной инициативы, проводится анализ границ законодательной инициативы как стадии законотворческого процесса, позволяющих четко выделить ее в правотворчестве. В данной статье автором была предпринята попытка выявить фактическое окончание реализации права законодательной инициативы в законотворческом процессе.

Abstract: this article analyzes the various approaches to the definition of the final phase of the legislative initiative of the Russian Federation in the framework of the legislative process. We present the essential characteristics of the legislative initiative, the analysis of the boundaries of legislative initiative as the stage of the legislative process, allowing to clearly identify it in the law-making. In this article, the author has attempted to identify the actual end of the realization of the right of legislative initiative in the legislative process.

Ключевые слова: законодательная инициатива, законодательный процесс, субъект законодательной инициативы, разработка законопроекта.

Keywords: legislative initiative, the legislative process, the subject of legislative initiative, to develop the bill.

В юридической науке возникают вопросы по поводу продолжительности исследуемой стадии законодательного процесса. Отдельными авторами высказывается суждение о том, «что стадия законодательной инициативы заканчивается принятием решения о направлении законопроекта на предварительное рассмотрение вспомогательными подразделениями законодательного органа» [1, с. 212].

Так, С. В. Бошно применительно к законодательному процессу в Государственной Думе Российской Федерации выделяются следующие стадии законодательной инициативы: «1) регистрация вносимых проектов уполномоченным органом; 2) назначение ответственного комитета по подготовке проекта к первому чтению; 3) получение заключения Правительства» [2, с. 32]. При этом она указывает на то, что «наиболее верным представляется понимание окончания инициирования как регистрации проектов уполномоченным органом Государственной Думы. Все последующие действия, в том числе назначение ответственного комитета, получение заключения правительства и другие, представляют последующие этапы работы законодательного органа с внесенным проектом» [2, с. 32].

В свою очередь, отдельными авторами предварительное рассмотрение законопроекта относится к самостоятельной стадии законодательного процесса, которая следует за официальным внесением законопроекта в законодательный орган [3, с. 207]. Думается, что в указанных случаях неоправданно сужаются рамки законодательной инициативы. По нашему мнению, завершением данной стадии следует считать включение законопроекта в повестку дня очередной сессии законодательного органа. Что касается его предварительного рассмотрения, то, поскольку указанная процедура только предваряет решение вопроса о включении законопроекта в повестку дня, по нашему мнению, она находится в пределах стадии

законодательной инициативы. В ходе ее подтверждается необходимость принятия законопроекта в качестве закона, дается оценка общественных отношений, которые предлагается урегулировать. Одновременно устанавливается соответствие проекта действующему законодательству, экономическим и правовым требованиям, рассматриваются возникшие по проекту разногласия.

Неточность, допускаемая авторами предлагаемого мнения, заключается в том, что ими затушевывается различие между предварительным рассмотрением законопроекта и последующим, когда законопроект передается в ответственный комитет для подготовки его к пленарному заседанию. Как отмечается в литературе, «это различие следует признать существенным, так как предварительное рассмотрение касается тех законопроектов, которые не включены в повестку дня, а подготовка - уже включенных и рассматриваемых по существу» [4, с. 129].

По нашему мнению, сам факт утверждения вопроса о рассмотрении законопроекта в повестке дня заседания законодательного органа служит юридическим фактом, то есть процессуальным основанием перехода от стадии законодательной инициативы к стадии обсуждения законопроекта. Как отмечается, «стадию обсуждения законопроект проходит перед утверждением его в качестве закона. В ходе обсуждения проект подвергается всестороннему исследованию, глубокому и детальному анализу: изучаются различные точки зрения, вырабатываются компромиссные варианты решений, во многом определяющие судьбу принимаемого закона, его практическое применение» [5, с. 45].

Заметим, что отдельными авторами указывается на тот факт, что «возвращение законопроекта с целью устранения имеющихся недостатков отнюдь не означает, что не состоялось его официального внесения в законодательный орган. Проект следует считать внесенным со дня его первоначального представления. В течение того времени, пока устраняются допущенные нарушения, законопроект, если оценивать его юридическое состояние, должен быть признан «находящимся без движения». Такое правило имеет особое значение в случаях, когда истечение определенного срока является причиной отказа включить внесенный законопроект в повестку дня очередной сессии законодательного органа» [6, с. 37].

Может показаться спорным, что окончание одной стадии является началом другой, но на наш взгляд, именно завершение одной стадии содержит в себе необходимость начинать другую. Интересен в этой связи британский опыт: так, стадия законодательной инициативы в британском законодательном процессе почти полностью сливается со следующей, абсолютно формальной стадией - первым чтением [7, с. 40].

Таким образом, приходим к выводу, что окончанием стадии законодательной инициативы является момент принятия законодательным органом решения о включении законопроекта в повестку дня очередной сессии законодательного органа.

Литература

1. *Кучерявцев Д. А.* Совершенствование конституционного регулирования осуществления права законодательной инициативы в Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета, 2014. № 2. С. 212-218.
2. *Бошно С. В.* Законодательная инициатива в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 197 с.
3. *Пискунова Е. А.* Стадия реализации права законодательной инициативы в региональном законодательном процессе в Российской Федерации // В мире научных открытий, 2015. № 3.4 (63). С. 206-210.
4. *Шкарпова И. А.* Право законодательной инициативы в Российской Федерации // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права, 2016. № 1. С. 128-132.

5. *Арбузкин А. М., Кененова И. П., Ковалева Т. К., Троицкая А. А.* Законодательная инициатива: ожидания, результаты и перспективы // Конституционное и муниципальное право, 2014. № 1. С. 45-49.
6. *Кучерявцев Д. А.* Правоотношение законодательной инициативы (на примере Российской Федерации и ее субъектов) // Конституционное и муниципальное право, 2013. № 12. С. 37-45.
7. *Попова М. А.* Сравнительный анализ законодательного процесса в России и Великобритании // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы, 2013. № 7-8 (126-127). С. 33-40.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Проблемы становления и развития института «право быть забытым»

Сергиевич В. А.¹, Шугурова И. В.²

¹Сергиевич Виктория Анатольевна / Sergievich Viktoria Anatolievna – студент;

²Шугурова Ирина Викторовна / Shugurova Irina Viktorovna - кандидат юридических наук,
доцент,

кафедра гражданского и международного частного права,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Саратовская государственная юридическая академия
Институт юстиции Российской Федерации, г. Саратов

Аннотация: современное общество не представляет жизни без виртуальной сети Интернет, активно используя поисковых операторов. Развитие института ставит под удар свободный доступ и поиск информации по сети, но обеспечивает безопасность персональных данных. Разработка механизма урегулирования социально полезного института стала основной задачей статьи, однако наблюдения показывают необходимость реценцирования значительного правового материала данного института у западных соседей. В то же время адаптировать имеющуюся западную практику под национальный правовой режим.

Abstract: modern society can not imagine life without the virtual network, the Internet, actively using search operators. The development of the institution jeopardizes free access and search information on the network, but also ensures the safety of personal data. Develop a mechanism for the settlement of social Institute was the main objective of the article, however, observations show the need to recapitulare significant legal material in this Institute Western neighbors. At the same time, to adapt existing Western practices under national legal regime.

Ключевые слова: право быть забытым, право на забвение, дело Гонсалеса, наделение поискового оператора полномочиями органа.

Keywords: right to be forgotten, right to oblivion, the case of Gonzalez, giving search operator powers of the authority.

В современном мире все сферы жизни человека, так или иначе используют для своего развития информационные технологии, на которые богат XXI век. Переход отдельных сфер жизни в виртуальную реальность делает необходимым разработку способов регулирования отношений, возникающих в сети Интернет. Разработка новых институтов и их применение на практике порождают новые коллизии и проблемы применения. Одной из таких проблем является коллизия институтов права, призванных защищать персональные данные человека и свободу выражения мнения и слова, которую породило становление нового института права быть забытым.

Впервые институт защиты персональных данных определяется в европейском праве Директивой 95/46/ЕС «О защите данных» 1995 года [1], в которой изложены основы института права быть забытым. Директивы защиты персональных данных распространяются, в том числе и на сеть Интернет, далее указывается требование, что размещенная информация несоответствующая положениям Директивы по причине ее

не точной или не полной природы должна быть удалена. В 2012 году институт получил свое настоящее название, когда Европейская комиссия подготовила проект Регламента «О защите персональных данных» [2], который вносил изменения в Директиву 1995 года и адаптировал ее к применению. Сущностью одного из таких изменений стало детальное описание процедуры исполнения права быть забытым, которое нашло свое отражение в судебной практике, несмотря на то, что сам Регламент в силу не вступил. Реформа «О защите персональных данных» должна была устранить излишние административные процедуры и снизить затраты на ведение документации благодаря принятию единого документа, который даст возможность вести бизнес на едином внутреннем рынке ЕС.

Впервые данный институт нашел свое применение в решении Суда Европейского Союза от 13.05.2014. по делу Гонсалеса [3] о требовании к поисковой системе Google привести в соответствие с современным положением дел предоставленную несколько лет назад газетой информацию о гражданине. Поскольку устаревшая информация не соответствовала действительности и приносила ущерб деловой репутации гражданина. Суд в своем решении обязал поискового оператора Google удалить выдачу в результате поиска информацию относительно Гонсалеса, несоответствующую действительности, однако на информацию, размещенную на сайте газеты это требование не распространялось. Таким образом, Суд постановил, что поисковые операторы должны по запросу удалять с серверов устаревшие, не соответствующие действительности или утратившие актуальность личные данные.

Данное решение вызвало серьезные споры между пользователями сети Интернет и субъектами непосредственно обеспечивающих ее деятельность. Так исполнительный директор Google Ларри Пейдж высказал опасения, что данное решение может стать оружием в недобросовестной конкуренции и в дальнейших перспективах снизит темпы развития инноваций [4]. Последствием вступления судебного решения по делу Гонсалеса в силу стало ежедневное поступление более чем 10 тысяч запросов только в поисковую систему Google. Данный прецедент дал возможность защитить схожие правоотношения, например The New York Times жаловалась на то, что поиск Google сохраняет в кэш-памяти их содержание. По мнению владельцев газеты, это нарушает авторские права. Окружной суд США штата Невада постановил, что кэши компании Google не нарушают авторских прав, однако европейский судебный прецедент может изменить взгляд юридического сообщества на эту проблему. Все спорные случаи будут передаваться в государственные органы, занимающиеся защитой информации.

Решение принято судом ЕС, поэтому речь идет пока только о жителях Европы. Однако, поскольку европейская Конвенция о защите прав человека ратифицирована в России, то решение Европейского суда можно ввести и в российское законодательство. Соответствующая поправка была внесена и вступила в силу ФЗ № 264-ФЗ [5] согласно которой, пользователи имеют право направлять поисковым системам, включая Google, запросы на удаление некоторых результатов поиска по их имени. Поисковые системы должны рассматривать такие запросы в индивидуальном порядке и могут отказывать в их удовлетворении, только если содержимое представляет интерес для общества. Формулировка установленная федеральным законом наделяет поисковые системы властными полномочиями, тем самым закрепляя несвойственные им функции судов и других правоприменительных органов. Кроме того в ФЗ 264-ФЗ отсутствует такой критерий отбора информации как общественная значимость, что позволяет использовать право на забвение в недобросовестной конкуренции организаций и как средство преодоления цензуры. Такое утверждение небезосновательно: KaZaA и церковь сайентологии, ликвидированная в РФ как организация, материал которой носят экстремистский характер, использовали Закон об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA)[6], чтобы потребовать от Google удалить ссылки на материалы на их сайтах якобы защищенные авторским правом. Google по закону обязан удалить эти ссылки, но

вместо того, чтобы убрать результаты поиска, предпочитает связать результаты с жалобами, которые подали эти организации.

Таким образом, «право быть забытым» - это не социально-гуманистический концепт в чистом виде, а элемент сложной экономической модели, способствующей развитию бизнеса и экономики. Гарантируя более высокий уровень защищенности конечным пользователям, это право внушает потребителям, что они будут получать полную и корректную информацию и соответственно повышает лояльность как к рекламе в поисковой системе, так и к самой системе в целом.

Литература

1. Директива 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 24 октября 1995 года о защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных.
2. Regulation of European parliament of the Council the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation) 25.01.2012.
3. Google Spain SL, Google Inc. v Agencia Espanola de Proteccion de Datos. Court of Justice of the European Union. Judgment in Case C-131/12.
4. Российское агентство правовой и судебной информации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150605/273885166/ (дата обращения: 10.12.2016).
5. Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».
6. Российское агентство правовой и судебной информации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rapsinews.ru/international_publication/20140619/271558886/ (дата обращения: 10.12.2016).

Преподавание «Прав человека» в системе высшего образования Джумаева С. А.¹, Джуманова Х. С.²

¹Джумаева Санобар Абсаатовна / Djumaeva Sanobar Absaatovna – старший преподаватель, кафедра общей педагогики,

Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами, г. Ташкент;

²Джуманова Хуррият Султанмуродовна / Djumanova Hurriyat Sultonmurodovna – студент, факультет истории,

Самаркандский государственный университет, г. Самарканд, Республика Узбекистан

Аннотация: *в настоящей статье автор рассматривает некоторые вопросы преподавания «Прав человека» в системе высшего образования Республики Узбекистан. Автор рассматривает своеобразные особенности законодательства стран мира в области прав человека на современном этапе. Автор утверждает, что для максимального достижения поставленной цели требуется широкое использование современных информационно-коммуникационных и педагогических технологий, материалов СМИ и глобальной сети интернет, применение интерактивных методов обучения, самостоятельный поиск знаний студентами, выполнение ими различных самостоятельных работ, различные формы внеаудиторной работы естественным образом, которые способствуют повышению уровня знаний, навыков и умений студентов.*

***Abstract:** this article is dedicated to the improvement of mechanism of protection of rights and freedom of people and similarly improvements of educating of the subject of «Human rights» in higher educational school. The author considers peculiar features of the legislation of the countries of the world in the field of human rights at the present stage. The author claims that the maximum achievement of an effective objective requires wide use of modern information and communication and pedagogical technologies, materials of media and the global Internet, application of interactive training methods, independent search of knowledge by students, accomplishment of various independent works by them, various forms of out-of-class work naturally which promote increase in level of knowledge, skills and abilities of students.*

***Ключевые слова:** права человека, преподавание, обучение, законодательство, реализация, цели, задачи преподавания.*

***Keywords:** human rights, teaching, training, legislation, implementation, goals, teaching objectives.*

Республика Узбекистан уверенно продвигается по пути построения правового государства. Как неоднократно отмечал Первый Президент Ислам Каримов, высшей целью коренных преобразований во всех сферах жизни является обеспечение достойных условий жизни, гарантирование защиты прав и законных интересов граждан.

Права человека и уровень их обеспеченности – показатель демократического развития и строгого продвижения по пути строительства правового общества. Именно поэтому в нашей стране делается все для обеспечения надежной защиты прав и интересов граждан, укрепления правовых механизмов данной сферы деятельности.

Узбекистан ратифицировал более шестидесяти международных конвенций в сфере прав человека. В стране функционирует ряд институтов защиты прав человека, в числе которых институт Омбудсмана – Уполномоченного Олий Мажлиса Республики Узбекистан, Национальный центр по правам человека Республики Узбекистан.

Одной из приоритетных задач сегодняшнего дня считается повышение правового сознания и правовой культуры населения, прежде всего молодежи. Пристальное внимание данной проблеме уделяется на уровне государства. Принимаются действенные меры для достижения этой высокой цели.

Огромное значение в данной связи приобретает преподавание прав человека в системе непрерывного образования.

Президентом Республики Узбекистан И. А. Каримовым определено стратегическое направление в области прав человека: обеспечение эффективного механизма защиты прав и свобод человека; совершенствование национального законодательства на основе общепризнанных норм и принципов международного права в области прав человека; разработка механизма четкого соблюдения принятых законов и обеспечение верховенства закона во всех сферах общественной жизни; демократизация судебной системы путем судебно-правового реформирования; коренное улучшение работы по правовому воспитанию населения, особенно молодежи, должностных лиц, и повышение их правового сознания и культуры [1, с. 4-6].

Главной задачей системы непрерывного образования в этой связи является доведение до сознания каждого обучаемого того, что права человека – это высшая ценность общества.

На сегодняшний день подписано около 400 международных документов в области прав человека, в которых закреплены мировые стандарты в области прав человека, приоритет которых над национальным законодательством признан большинством стран мира.

В каждой стране мира функционирует законодательная система в области прав человека. Основу данного законодательства составляет Конституция страны, в которой в

отдельной главе закреплены права и свободы граждан. Конституционные права и свободы граждан находят свое отражение в национальном законодательстве [2, с. 23].

В странах мира законодательство в области прав человека состоит из следующих составляющих: законодательство в сфере личных прав: законы о свободе совести, обращения в суд и т.п.; законодательство в политических личных прав: законы об общественных организациях, политических партиях, выборах и т.п.; законодательство в сфере экономических прав: законы о собственности, предпринимательстве, земле, аренде, приватизации, правах потребителей и т.п.; законодательство в сфере культурных прав: законы об образовании, науке, культурном наследии, музеях и т.п. [3, с. 56].

Международные акты (двусторонние и многосторонние) в области прав человека как компонент национально-правовой системы.

В качестве своеобразных особенностей законодательства стран мира в области прав человека на современном этапе можно назвать: обеспечение правовых гарантий полной реализации прав человека; развитие конституционной юстиции (суда); формирование международных и национальных институтов в области прав человека; развитие новых демократических институтов, в частности института Омбудсмана.

По инициативе Первого Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова в нашей стране уделяется особое внимание преподаванию прав человека в системе непрерывного образования.

Образование в области прав человека – это система действенных мер по передаче знаний и обогащения навыков в системе прав человека, информирование о правах человека, формированию и развитию культуры в данной сфере, обучению эти правам, и пропаганде этих прав.

В данном смысле, образование в сфере прав человека – неотъемлемое право человека, имеющее особое значение для: соблюдения прав человека; уменьшения фактов нарушения прав человека, создания эффективной системы профилактики подобных правонарушений; формирования демократического правового государства и справедливого общества; формировании общей культуры в сфере прав человека, формировании и укреплении международного правового мировоззрения в области прав человека.

Образование в области прав человека в Узбекистане преследует цели: формирование и укрепление уважительного отношения к правам человека; всестороннее развитие чувств общечеловеческой ценности в личности, гражданине; обеспечение эффективного участия каждого в социально-экономической, политической и культурной жизни общества.

В программе действий в области обучения правам человека ставятся задачи по оценке потребностей, разработке стратегий, разработке национальной программы, разработка учебного материала, укреплению роли средств массовой информации, пропаганды Всемирной декларации по правам человека и т.п.

Дисциплина «Права человека» имеет свое особое, не повторяемое другими учебными предметами содержание. Тематику дисциплины составляют честь и достоинство, права и обязанности человека, их историческое развитие, морально-философские, политико-правовые, культурные основы, правовая природа; меры по профилактике правонарушений в области прав человека, восстановлению нарушенных прав; общей природе гарантирования прав человека и мн. др.

В рамках изучения дисциплины «Права человека» в системы высшего образования основное внимание обращается на разъяснение международного и национального законодательства в области прав человека, развития практики обеспечения прав человека на примере стран мира. При этом права человека и гражданина изучаются на основе политико-правовых учений, на основе исторического принципа.

«Права человека» основываются на достижениях всех общественных наук, является своеобразным единством философских, моральных, правовых и политических знаний.

Главным в преподавании учебной дисциплины «Права человека» является изучение всех аспектов прав и свобод, обязанностей человека и гражданина [4, с. 82-83].

Обучение в рамках дисциплины «Права человека» способствует эффективному усвоению знаний, умений и навыков в области прав человека; воспитанию уважения к человеку, его правам, свободам, чести и достоинству; формированию навыков защиты от правонарушений, реализации своих субъективных прав и свобод.

Как отмечено выше, главной целью данного курса является формирование уважительного отношения к правам человека, международным и национальным нормам в данной сфере.

Для максимального достижения поставленной цели требуется широкое использование современных информационно-коммуникационных и педагогических технологий, материалов СМИ и глобальной сети интернет. Интерактивные методы обучения, самостоятельный поиск знаний студентами, выполнение ими различных самостоятельных работ, различные формы внеаудиторной работы естественным образом способствуют повышению уровня знаний, навыков и умений студентов.

Литература

1. *Каримов И. А.* Доклады на VI сессии Олий Мажлиса Республики Узбекистан, Торжественном собрании, посвященном четвертой годовщине принятия Конституции Республики Узбекистан // Народное слово. 8 декабря 1996. С.4-6
2. *Саидов А., Бакаева Ф.* Конституция Республики Узбекистан и права человека: от норм к реализации. Т.: Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека. Тошкент, 2010. С. 23.
3. Всемирная Декларация о правах человека и национальная система защиты прав человека в Республике Узбекистан. Т.: Узбекистан, 2010. С. 56.

Государственный алиментный фонд – «за» и «против» Сафаргалеева Я. Р.

*Сафаргалеева Яна Ринатовна / Safargaleeva Jana Rinatovna – магистрант,
кафедра гражданского права,
Институт права
Башкирский государственный университет, г. Уфа*

Аннотация: в данной статье рассматривается проблема создания Государственного Алиментного фонда в Российской Федерации и главный принцип его деятельности. Приводится статистика за 2010 и 2016 годы. Проанализированы взгляды политиков, социологов, руководителей государственных органов и так далее; доводы «за» и «против». На основе проведенного исследования автором дано определение Государственного Алиментного фонда, подняты проблемы его создания, источники финансирования, порядок выплат. Указана национальная стратегия В. В. Путина в интересах детей на 2012 – 2017 годы. Что даст данный Государственный Алиментный фонд родителям с несовершеннолетними детьми?

Abstract: this article deals with the problem of creating the State Alimony Fund of the Russian Federation and the main principle of its activities. We present the statistics for 2010 and 2016. The views of politicians, social scientists, government leaders, and so on; pros and cons". On the basis of the research the author defines the State Alimony Fund, raised the problem of its creation, funding sources, the order of payments. Putin listed a national strategy for children in the 2012 - 2017 years. What will the State Alimony Fund parents with minor children?

Ключевые слова: алименты, родители, дети, Государственный Алиментный фонд.
Keywords: alimony, parents, children, State Alimony fund.

В настоящее время, по статистике в Российской Федерации увеличивается количество бракоразводных процессов (в 2010 г. – 4,47% разводов на 1000 человек населения, а в 2016 г. – 5% разводов на 1000 человек населения). В международном рейтинге мы – чемпионы по разводам среди развитых стран. У каждой разводящейся пары есть несовершеннолетние дети, оставшиеся без поддержки второго родителя, который не дает деньги на своего несовершеннолетнего ребенка, поэтому проблема выплаты алиментов стоит очень остро и нуждается в государственной поддержке.

В сентябре 2007 г. представителями Федеральной службы судебных приставов была предложена идея создания в РФ Государственного Алиментного фонда, который бы защитил бы интересы родителя, воспитывающего в одиночку своего ребенка.

Президент РФ В. В. Путин эту идею поддержал при разработке национальной стратегии в интересах детей на 2012 – 2017 годы.

Государственный Алиментный фонд – это гарантийная система, обеспечивающая своевременность выплаты родителю ежемесячную сумму на содержание ребенка. Главный принцип – возвратность денежных средств.

Данная мера поможет дисциплинировать алиментщиков, которые окажутся в долгу перед государством. На сегодняшний день ведется активная дискуссия по его созданию.

Доводы «за».

Депутат Государственной Думы РФ Елена Николаева считает, что при возникновении между родителями спора о выплате алиментов и его разрешения алименты детям будут выплачиваться за счет средств фонда, а сам фонд будет осуществлять розыск неплательщиков алиментов, их активов, обращать взыскание на их имущество. Такой подход обеспечит реальную реализацию социальной функции государства и покажет его заинтересованность в благополучии подрастающего поколения [1].

Заместитель председателя Совета Федерации Светлана Орлова предлагает создать Алиментный фонд на уровне Федерации, в который государство будет вносить денежные средства на выплату алиментов в тот период, пока будут разыскивать родителя-неплательщика. Когда должника найдут, судебные приставы будут взыскивать с него необходимую сумму и возвращать её в фонд. Минимальный размер алиментов должен рассчитываться из прожиточного минимума конкретного субъекта РФ [2].

Вице-спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко считает, что данный фонд является временной поддержкой одиноких родителей, не получающих алиментов от бывшего супруга или супруги, поэтому он необходим [3].

По мнению депутата Государственной думы VI созыва от партии «Единая Россия» Баталиной О. Ю. Алиментный фонд поможет родителю, который безуспешно пытается взыскать алименты со своей бывшей второй половины [4].

Доводы «против».

Директор Института социальной политики Сергей Смирнов считает, что создание Алиментного фонда за государственный счет означает, что все налогоплательщики будут из своего кармана платить за нерадивых отцов и матерей, это неправильно, ведь родители должны сами нести ответственность за своих детей – от зачатия до их взросления, заранее думать, как они их будут содержать в случае расставания. А если родители уклоняются от своих обязанностей, этим должны заниматься правоохранительные органы. [5]

Министр финансов РФ Антон Германович Силуанов предлагает изучить международный опыт, в частности, за счет каких средств наполняются такие фонды, откуда берутся деньги? [6]

Анализируя изученные доводы, приходим к выводу, что создание Государственного Алиментного фонда необходимо, так как это поможет получить

положенные на содержание ребенка деньги, не дожидаясь взыскания алиментов. А затем государство в лице судебных исполнителей будет разыскивать недобросовестного родителя и получать с него деньги, возмещая затраты государства с процентами. Ведь ребенку необходимо питаться, одеваться, посещать школу и кружки каждый день, а не когда найдут сбежавшего родителя.

Автор считает, что Государственный Алиментный фонд Российской Федерации должен быть создан при Правительстве Российской Федерации с региональными отделениями в субъектах РФ, а источниками пополнения алиментного фонда могут являться: средства, полученные от повышения пошлины за развод; неустойка за каждый просроченный день в размере 0,5%; деньги, полученные вследствие обязательных работ; из средств федерального и регионального бюджета в виде субсидий; пожертвования; введения новой формы страховых взносов...

Такой фонд даст уверенность в завтрашнем дне и тем самым положительно повлияет на решение родителей иметь детей, что отвечает объявленному президентом курсу на сокращение бедности среди семей с детьми.

Литература

1. *Грицюк М.* Надо ли, создавать фонд для выплат детям алиментов, если папа в бегах. [Электронный ресурс]: Российская газета Федеральный выпуск, 03.02.2012. N5696 (23) Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/02/03/alimenty.html/> (дата обращения: 14.12.2016).
2. ИА ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/461082/> (дата обращения: 14.12.2016).
3. ИА ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/461082/> (дата обращения: 14.12.2016).
4. *Самофалова О.* Пока ищут сбежавшего. [Электронный ресурс]: Деловая газета - Взгляд, 01.03.2013. Режим доступа: <http://www.vz.ru/economy/2013/3/1/622666.print.html/> (дата обращения: 14.12.2016).
5. *Грицюк М.* Надо ли, создавать фонд для выплат детям алиментов, если папа в бегах. [Электронный ресурс]: Российская газета Федеральный выпуск, 03.02.2012. № 5696 (23). Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/02/03/alimenty.html/> (дата обращения: 14.12.2016).
6. *Самофалова О.* Пока ищут сбежавшего. [Электронный ресурс]: Деловая газета - Взгляд, 01.03.2013. Режим доступа: <http://www.vz.ru/economy/2013/3/1/622666.print.html/> (дата обращения: 14.12.2016).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Современные практики дерадикализации осужденных за проявление религиозного экстремизма: мировой опыт

Пашенко И. В.

Пашенко Ирина Владимировна / Pashchenko Irina Vladimirovna – кандидат философских наук,
заведующая лабораторией,
лаборатория проблем Северного Кавказа,
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южный научный центр, г. Ростов-на-Дону

Аннотация: предметом исследования выступают существующие практики дерадикализации осужденных за проявление религиозного экстремизма. Рост числа терактов и их жертв, а также общемировое расширение географии терроризма, привели к повсеместному ужесточению антитеррористического законодательства в большинстве развитых государств. Наряду с силовым принуждением приверженцев террористических методов к прекращению вооруженной борьбы, широко внедряется в последние годы в Западной Европе опыт по дерадикализации, или перевоспитанию, сторонников радикальных исламистских взглядов. Для России актуальность выбранной темы определяется высокой степенью востребованности разработки и реализации комплекса мер по искоренению радикальных идеологем в сознании заключенного, а также возможности вербовки новых членов террористической организации на территории исправительных учреждений. Вместе с тем, существующий опыт может помочь в дальнейшей ресоциализации заключенного после отбытия им наказания.

Abstract: the subject of the study is the existing practice of de-radicalization convicted of religious extremism. Increase in the number of terrorist attacks and their victims, as well as the worldwide expansion of the geography of terrorism has led to the widespread tightening of anti-terrorism legislation in most developed countries. Along with supporters of terrorist coercion methods to halt the armed struggle, widely implemented in recent years in Western Europe experience on de-radicalization or rehabilitation, supporters of radical Islamic views. high demand for the development and implementation of measures for the elimination of radical ideology in the minds of the prisoner, as well as the recruitment of new members of the terrorist organization on the territory of correctional institutions chosen topic is determined by the relevance to Russia. At the same time, the existing experience can help further re-socialization of prisoners after serving their sentences.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, радикализация, дерадикализация, пенитенциарные учреждения, ресоциализация.

Keywords: extremism, terrorism and radicalization, de-radicalization, penal institutions, resocialization.

XXI век стал столетием активной деятельности экстремистских и террористических организаций. Радикальные группировки, выступающие от имени ислама, превалируют по числу, имеют транснациональный и трансграничный характер. С 2014 года основным актором террористических угроз выступает радикальная исламская группировка ДАИШ – (شعباد (ماشلاو قار علا يف قيمالسبالا ظودلا) . араб. от транслитерация («ад-Дауля аль-Исламийя фи-ль-Ирак уа-аш-Шам») (Исламское государство Ирака и Шама)) («Исламское государство» - ИГ). Фиксируется рост числа терактов и их жертв, а также общемировое расширение географии терроризма. Среди основных угроз деятельность ИГ во всем мире, наряду с

возвращением людей с боевым опытом и радикализацией тех, кому не удалось выехать, немаловажную роль занимает проблема радикализации осужденных в пенитенциарных учреждениях. Современные теоретики и идеологи исламского экстремизма рассматривают тюрьмы в качестве одного из важных мест вербовки нового пополнения для террористических групп. Пенитенциарные учреждения Западной Европы и США столкнулись с тенденциями такого характера в конце XX в.. В этой связи изучение мирового опыта по ресоциализации заключенных, осужденных за преступления экстремистской направленности, может помочь в улучшении и эффективной реализации комплексной стратегии противодействия террористическим угрозам на территории Российской Федерации.

Тенденция увеличения числа зарегистрированных преступлений террористического характера нашла свое отражение в докладе Евросоюза «Терроризм в ЕС: ситуация и тенденция», более того из 1077 человек арестованных в 2015 году по подозрению в терроризме 94% были признаны виновными и осуждены. Наибольшее число задержаний произошло на территории Франции – более 400 [1].

Для эффективной борьбы с террористической угрозой Совет в составе министров внутренних дел стран-членов Европейского союза в марте 2016 г. принял новую антитеррористическую директиву, целью которой выступило усиление законодательства ЕС в сфере противодействия терроризму. Согласно данной директиве происходит криминализация целого ряда действий: поездки граждан ЕС в лагеря подготовки террористов, оказание финансовой и логистической поддержки таким поездкам, а также любые поощрения вступлению в террористические организации [2].

Отмечая рост числа осужденных, представители западноевропейского общества обращают внимание и на увеличение числа носителей радикальной идеологии. Так, глава правительства Франции Мануэль Вальс, выступая перед теле- и радиожурналистами, заявил о том, что полиции и спецслужбам республики известно как минимум о 15 тыс. подозреваемых в симпатии к исламским террористам. Эти лица, по выражению премьер-министра, «находятся в процессе радикализации». Против 1400 из них уже возбуждены уголовные дела [3]. При этом, бывший глава по борьбе с террором во Франции, Луи Каприоли в интервью агентству Rompreг отметил, что «когда дело доходит до вынесения приговора, террористы рассматриваются как обычные преступники. Философия в том, чтобы спасти оступившегося человека, а не защитить общество» [4].

Исполнение наказаний во Франции основано на применении прогрессивной системы и включает в себя центральные и местные тюрьмы для взрослых осужденных и специальные исправительные учреждения для несовершеннолетних преступников. Лица, осужденные на срок свыше одного года лишения свободы, направляются в центральные тюрьмы, осужденные на срок менее одного года – в местные тюрьмы. На первом этапе осужденные содержатся в одиночных камерах (максимальный срок – 45 суток) это необходимо, с одной стороны, для привыкания к тюремному режиму, с другой – для изучения осужденного представителями администрации. Затем к ним применяются меры, соответствующие определенной ступени прогрессивной системы. Она включает пять ступеней: одиночное заключение (одновременно происходит классификация на исправимых, неисправимых, сомнительных); исправимые заключенные получают возможность дневной работы с проведением ночи в отдельных камерах; увеличение числа льгот; полусвободный режим с возможностью работать за пределами тюрьмы и посещением родственников; условное освобождение за хорошее поведение.

По данным AFP, французская пенитенциарная система уже сегодня пребывает в серьезном кризисе: в июле этого года на 58311 мест в 188 тюрьмах страны приходилось 69375 осужденных [3].

Во Франции есть регионы, в которых наиболее остро стоит проблема переполненности тюрем. Это в первую очередь парижский регион Иль-де-Франс.

Изоляторы парижского региона пополняются во многом за счет подследственных по делам о терроризме. Эти дела во Франции находятся в юрисдикции прокуратуры Парижа. Именно при ней создан спецотдел, который объединяет прокуроров и судебных следователей-специалистов по антитеррору.

В настоящее время в местах лишения свободы происходит активная радикализация сознания лиц, там пребывающих. В этой связи лица, осуждённые за попытки примкнуть к террористическому государству ИГИЛ, могут являться как объектом воздействия с целью укрепления и развития радикальных взглядов со стороны более «опытных товарищей», так и субъектом воздействия с целью радикализации взглядов «новобранцев». Увеличению численности группы приверженцев радикального ислама способствует то, что, попав в места заключения, радикал-исламисты стараются найти новых единомышленников, причём в глазах остальных они выглядят как жертвы государства.

Во Франции при тюрьмах «Осни» и «Лилль-Аннейен» были созданы отделения для экстремистов. Ранее, в экспериментальном порядке, было создано такое отделение при крупнейшей французской тюрьме «Фресен». В каждом из начавших функционировать теперь отделений содержится около двух десятков человек. Они не имеют контактов с заключенными других блоков, помещены в камеры-одиночки. На начальном этапе такое заключение, сопровождаемое тщательным мониторингом поведения заключенных, будет продолжаться на протяжении трех-шести месяцев. С этими заключенными будут проводить беседы специалисты. Ряд бесед об опасности радикального исламизма будет коллективными, с предоставлением слова заключенным [5]. Данные меры могут быть приняты и на базе других пенитенциарных учреждений страны.

После терактов в марте 2016 года в Брюсселе, Бельгия, вернувшегося из Сирии джихадиста будет в качестве превентивной меры заключать в тюрьму. В отношении радикализованных лиц, подозреваемых в стремлении отправиться на войну в Сирию, будут применяться электронные браслеты для отслеживания и регистрации перемещений.

В 2015 году в Бельгии было вынесено 116 судебных приговоров по обвинению в террористической деятельности — больше, чем в остальных странах-членах Евросоюза, свидетельствуют данные Europol. Всего в прошлом году в Бельгии за террористическую деятельность были привлечены к суду 120 человек. Четырем из них вынесены оправдательные приговоры. Средняя продолжительность срока тюремного заключения для осужденных составила шесть лет [6].

В 2016 году министерство юстиции Бельгии работало над реформой тюремной системы, которую многие считают школой радикализма. Было запланировано создать две изолированные зоны, каждая из которых рассчитана на 20 человек, в двух тюрьмах для заключенных, настроенных наиболее радикально.

В апреле 2016 года в тюрьме бельгийского города Итр (провинция Валлонский Брабант) открыли специальный корпус для исламистов, пока в корпусе будут находиться максимум 4 заключенных. Первым заключенным, которого разместили в корпусе, стал Халид Зеркани по кличке «Дед Мороз», который приговорен к 12 годам лишения свободы минувшим летом за вербовку мусульман для борьбы на стороне ИГИЛ в Сирии и Ираке [7].

В тюрьме строгого режима «Уайтмур», расположенной под Кембриджем (Великобритания), содержатся около 90 заключенных-мусульман, отбывающих наказание за экстремизм и проповедование идей джихада, что составляет 35% всего спецконтингента пенитенциарного учреждения [8]. Комиссией по борьбе с экстремизмом при Министерстве юстиции Великобритании были специально разработаны и одобрены экспериментальные методы терапии. К работе с радикально настроенными заключенными привлекаются психологи, призванные «перепрограммировать их», используя познавательный-поведенческий метод, который

имеет целью изменение восприятия и отношения к миру, а также представители религиозных конфессий.

Влияние радикальных исламистских группировок в тюрьмах Великобритании в 2015 - 2016 гг. резко возросло. Пропаганда исламизма, осуществляемая этими группировками, направлена на наиболее широкий охват заключенных, при этом ведется работа и с наиболее авторитетными заключёнными, чей пример станет в будущем привлекательным для других. Мусульманские сообщества становятся в британских тюрьмах «коллективами выживания». Сообщается, что всё больше заключенных в Великобритании принимают ислам для того, чтобы к ним было особое отношение, а также, чтобы заручиться поддержкой влиятельных группировок этнических мусульман. Также часть заключенных используют принятие ислама в тюрьме для продвижения по уголовной кастовой иерархии. Многие заключённые в тюрьмах насильно склоняются к принятию ислама [9, с. 45].

Среди причин, побудивших их перейти в ислам, – защищенность, которую дает принадлежность к определенной группировке, и те привилегии, которыми, по их мнению, пользуются мусульмане. У заключенных-мусульман есть больше прав, есть возможность проводить больше времени вне камер, поскольку у них общие молитвы, а в связи с Рамаданом они получают лучшее питание.

В Германии в апреле 2015 года был принят пакет антитеррористических законов, призванных помешать немецким джихадистам отправиться в зону боевых действий на Ближний Восток. Теперь как поездка, так и попытка поехать в Сирию или Ирак с целью организации террористического акта или подготовки к нему, может привести к лишению свободы на срок до десяти лет. Также принят закон, позволяющий отбирать паспорта у агрессивно настроенных исламистов на срок до трех лет. На это время им будет выдаваться документ, удостоверяющий личность, но не позволяющий его обладателю выехать за пределы Германии. По данным немецких правоохранителей, на 2015 год в зоне боевых действий побывали около 680 немецких джихадистов, воевавших на стороне террористической организации «Исламское государство» [10].

Согласно данным Федерального ведомства по уголовным делам ФРГ, потенциально опасных лиц стало почти вдвое больше по сравнению с 2015 годом. На территории ФРГ сейчас проживает 497 лиц, представляющих потенциальную угрозу. Еще 339 исламистов симпатизируют террористам и могут стать их помощниками. В январе прошлого года Федеральное ведомство по уголовным делам насчитало лишь 270 лиц, представляющих потенциальную угрозу [11].

В декабре 2014 года во Франкфурте к четырем годам лишения свободы в колонии для несовершеннолетних был приговорен Крешник Б. - первый немецкий «возвращенец» из Сирии. В немецких тюрьмах осужденные из так называемой «зауэрландской ячейки», которые готовили серию взрывов в общественных местах, посещаемых военнослужащими США, а также «чемоданный террорист» из Кельна, террористы, заложившие сумку с бомбами на вокзале в Бонне, и преступник, убивший и ранивший американских военнослужащих в аэропорту Франкфурта-на-Майне.

Во многих странах существуют спецтюрьмы для осужденных террористов. Самая знаменитая в мире тюрьма для экстремистов Гуантанамо находится на Кубе. Президент США Б. Обама неоднократно заявлял о намерении закрыть это учреждение, однако оно действует до сих пор. Исходя из известных данных, на 2014 год там содержались 149 заключенных, обвиненных в террористической деятельности [12]. Заключенные здесь определяются как «боевики», что автоматически лишает их множества прав и свобод. Так, все заключенные в Гуантанамо могут содержаться здесь сколько угодно времени. Сроки и режим содержания могут быть изменены руководством тюрьмы или военными деятелями США. С самого основания отсюда поступает информация о жестоком обращении с заключенными, регулярных нарушениях прав человека, угрозе жизни и состояния

узников. Среди прочего, здесь практикуют лишение сна, воздействие на организм громких звуков и тишины, разнообразные пытки.

Есть и другие примеры, норвежская тюрьма строгого режима Шиен недалеко от Осло считается самой гуманной в мире. У каждого заключенного отдельная камера с ванной, телевизором, холодильником и даже доступом в Интернет. Именно здесь отбывает наказание террорист Андерс Брейвик, расстрелявший в 2011 году 77 человек [12].

Согласно докладу Международного центра изучения радикализации и политического насилия на первый план выходит то, что члены группировки ИГ все чаще выбирают для вербовки людей с криминальным прошлым, среди бедных слоев населения или тюремных заключенных. По данным исследования, в тюрьмах экстремисты могут найти множество молодых людей, готовых к восприятию радикальной идеологии. При этом преступники, ставшие джихадистами, «могут использовать свои криминальные навыки в террористических целях». По словам руководителя центра и одного из авторов исследования Питера Ньюмана, линия между преступностью и джихадистами становится «все более размытой» [13].

Следует отметить, что стран ЕС утвердили комплексную стратегию по искоренению террористических угроз, согласно которой наряду с силовым принуждением приверженцев террористических методов к прекращению вооруженной борьбы, широко внедряется в последние годы опыт по дерадикализации, или перевоспитанию, сторонников радикальных исламистских взглядов.

Существует три общих вида программ дерадикализации.

1. Всеобъемлющие программы: включают в себя изменение идеологии отдельных экстремистов, изменение их поведения и разрушение структуры террористической группы (такие программы сложны, дорогостоящи, но процент долгосрочного успеха наиболее высок).

2. Целевые программы: работают с отдельными людьми и призваны изменить их взгляды и поведение.

3. Прагматические программы: основная цель - изменить поведение террориста (эффективность просчитать достаточно сложно, если и существует то только в краткосрочной перспективе, так изменение поведение зависит от получения определенных выгод).

Одной из широко распространенных, но достаточно противоречивых практик противодействия распространению экстремистской идеологии является модель богословского диалога, разработанная в Йемене и активно применяемая в ряде стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Сущность данного подхода заключается в том, что власть привлекает лояльное исламское духовенство для общения с экстремистами с целью убедительного развенчания псевдоисламских идеологических конструктов. Описанная практика позволяет правительствам стран с преобладающим мусульманским населением решать одновременно две задачи — разрешать проблему дерадикализации, в то же время укрепляя позиции того течения ислама, которое наиболее отвечает интересам правящего режима. Но необходимо отметить, что нередко результатом таких программ является отказ от радикализации только на территории своего государства, при этом не отвечающие интересам правящего режима течения ислама подвергаются жестким притеснениям.

Бывшие бойцы Аль-Каиды, для выхода из тюрьмы в Йемене в 2003 году, должны были сдать экзамен комиссии, результатом которого должно было стать отречение от принципов религиозного фундаментализма. После бесед тридцать шесть из восьмидесяти исламских фундаменталистов отреклись от своих радикальных убеждений и смогли убедить в этом членов комиссии. После этого они были выпущены на свободу. Но оказавшись за стенами тюрьмы, большинство не смогло справиться с имеющимися социальными проблемами и вернулось к террористической деятельности [14].

Достаточно известен опыт Пакистана, который столкнулся с террористическими угрозами в середине 2000-х годов, а атака на школу в Пешаваре стала отправной

точкой для концентрации усилий всего государства по искоренению проблем такого характера. На территории Пакистана реализуются шесть основных программы по дерадикализации: the Sabaoon Center for Rehabilitation, Mishal, Sparley, Rastoon, Pythom, and Heila. В основной массе своей это образовательные программы, которые должен посещать задержанный. Они содержат модули формального образования, корректирующего религиозного образования, профессионально-технической подготовки, консультирования и терапии личного характера, а также отдельный модуль, включающий занятия с семьей, который призван решать социальные проблемы. Программы эти реализуются в группах, которые формируются исходя из уровня вовлеченности в деятельность террористической группы, а также учитывается возраст (основная масса от 18 до 40 лет). Обучение может длиться от шести месяцев до года. Эффективность таких программ высока, более 2,5 тыс. боевиков «Талибан» удалось вернуть к мирной жизни [15].

Правительство Саудовской Аравии открыло центр, который принимает подозреваемых в экстремизме людей из десятков стран. Программа реабилитации является всеобъемлющей и включает психологическую помощь, религиозное обучение, а также помощь в вопросах реинтеграции в общество и воссоединения семей. Отбывающие заключение в Саудовской Аравии радикалы, в рамках программы изучают такие темы, как исламская теория джихада, правила исключения из мусульманской общины, отношение к немусульманам. Правительство в 2016 году заявило о намерении построить 7 крупных центров реабилитации радикалов, в которых будут находиться 6400 человек. После освобождения из подобных центров, бывшие боевики получают от правительства помощь в получении образования, работы, покупки жилья и автомобиля. Метод может быть и эффективным, но дорогостоящий, а в стране с большим количеством экстремистов трудно воплотить его в жизнь [16].

В 2015 году, после прекращения вооруженной борьбы ЭТА на территории Испании, бывшие боевики могли пройти «программу по перевоспитанию». Первоочередной задачей был публичный отказ боевики от любых связей со своей преступной организацией. Это первое условия для приобщения к «программе перевоспитания». В соответствии с законом, он также обязан попросить прощения у своих жертв, согласиться выплатить им компенсацию за нанесенный ущерб и, естественно, отбыть предусматриваемый законом срок, после которого можно претендовать на какие-либо льготы. Программа предусматривает обучение заключенных на специальных курсах по перевоспитанию. В ходе занятий они должны осознать вред, причиненный обществу, и освоить азы демократии, плюрализма, законы взаимоотношений между людьми в цивилизованном обществе. Заключенные должны также получить какую-либо специальность, полезную обществу. По желанию, они могут учиться в заочном вузе или получить рабочую профессию в мастерских при тюрьме. В качестве поощрения уже на первом этапе программы бывшие боевики могут быть переведены в места заключения вблизи своего прежнего места жительства — получить возможность более частых свиданий с родственниками и знакомыми. По отбытии двух третей положенного срока раскаявшийся осужденный, попросивший прощения у своих жертв, может рассчитывать на условно-досрочное освобождение, на увольнительные по выходным или на возможность, продолжая отбывать срок, работать вне тюрьмы [17].

Дерадикализационные программы в Сингапуре содержат в себе три компонента: идеологический, просветительский, профилактический. Если первые компоненты направлены исключительно на осужденного, то профилактическая деятельность осуществляется с членами его семьи. По мнению директора Центра по изучению проблем терроризма Шотландского университета Магнуса Рэнсторпа, сосредоточение внимания на семье и полезных социальных связях способствует разрушению лояльного отношения личности к группам, настроенным радикально, а сосредоточение на социальных инициативах, в отличие от инициатив по религиозной

пропаганде, дает более длительный результат, который препятствует возвращению людей к насилию как средству решения проблем [18, с. 84]. Такого рода дерадикализационные программы используются и в пенитенциарных системах Индонезии, частично Турции.

В Малайзии программа специализированного воздействия на экстремистов является длительной, рассчитана как минимум на три года и представляет собой комбинирование воспитательного воздействия с укреплением «физической дисциплины», в том числе с применением пыток в отношении осужденных, проявляющих непокорность.

Индонезия во многом переняла опыт Сингапура. Здесь осуществляется религиозно-просветительная и психологическая деятельность с осужденными экстремистами. При этом ведется активная работа с социальным окружением экстремиста – выделение финансовых средств для содержания семей террористов со стороны государства, а также предоставление и заключенному и его семье при необходимости возможности бесплатного образования и получения профессии. Отдельно стоит отметить, что некоторые бывшие осужденные, отказавшиеся от экстремистской деятельности, привлекаются к работе с заключенными-радикалами в качестве волонтеров [18, с. 85].

Общими чертами существующих программ по дерадикализации заключенных выступает работа на двух уровнях: на личностном, на групповом. Эта работа должна состоять из трех компонентов: религиозно-просветительский, психологический и последующая помощь в социальной адаптации заключенного, после отбытия срока, в общество. При этом необходима постоянная многоуровневая профилактическая работа с социальным окружением заключенного, которое станет для него основой «новой жизни».

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года для осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности предлагается разработать базовые (обязательные) программы психологической коррекции личности для формирования социальной направленности осужденных, профилактики деструктивных проявлений, их ресоциализации и дальнейшей интеграции в общество [19]. Уже сейчас, по словам Э. В. Зауоровой, «...с осужденными, изучающими, пропагандирующими, исповедующими или распространяющими экстремистскую идеологию, в учреждениях проводится индивидуальная работа... Они ставятся на профилактический учет, за ними закрепляются наиболее опытные сотрудники воспитательных служб» [20, с. 53]. Таким образом, предполагается только работа на личностном уровне, а необходимо внедрение в практику работы исправительных учреждений РФ именно комплексной программы по дерадикализации заключенных.

Литература

1. European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2016/> (дата обращения: 21.10.2016).
2. Потемкина О. Усиление угрозы терроризма в Европе и ответ Европейского союза. Аналитическая записка № 9. 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an39.pdf/> (дата обращения: 11.10.2016).
3. Степанова Елена. Франции некуда сажать террористов. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zarubejom.ru/frantsii_nekuda_sazhat_terroristov/ (дата обращения: 01.12.2016).
4. Эксперт о рисках новых терактов: французов ждет другая реальность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.rfi.fr/frantsiya/20151116->

- kontrrazvedka-o-riskakh-novykh-teraktov-frantsuzov-nuzhno-postavit-pered-realnost/ (дата обращения: 23.11.2016).
5. В тюрьмах Франции начали действовать два отделения для содержания радикальных исламистов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2613866/> (дата обращения: 23.11.2016).
 6. European union terrorism situation and trend report (TE-SAT), 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2016/> (дата обращения: 18.11.2016).
 7. Attentats de Bruxelles: Zerkani inaugure l'aile de la prison d'Ittre ! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dhnet.be/actu/faits/attentats-de-bruxelles-zerkani-inaugure-l-aile-de-la-prison-d-ittre-570bdf4635708ea2d471a5e6/> (дата обращения: 03.09.2016).
 8. В Великобритании заключенных-исламистов будут «перепрограммировать», борясь с идеями джихада. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newsr.ru.com/world/20oct2008/jihad.html/> (дата обращения: 30.07.2016).
 9. *Селезнев И. А.* Феномен радикального политического ислама в деликвентной среде в современных странах Европы и России. // Вестник экономической безопасности, 2015. № 6. С. 43-45.
 10. Бундестаг ужесточил антитеррористическое законодательство. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/> (дата обращения: 04.05.2016).
 11. Die Welt: В Германии выросло число опасных исламистов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/> (дата обращения: 10.05.2016).
 12. *Алехова А.* Тюрьмы — идеальная среда для вербовки террористов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://365info.kz/2016/07/tyurmy-idealnaya-sreda-dlya-verbovki-terroristov/> (дата обращения: 24.09.2016).
 13. Criminal Pasts, Terrorist Futures: European Jihadists and the New Crime-Terror Nexus. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://icsr.info/wpcontent/uploads/2016/10/ICSR-Report-Criminal-Pasts-Terrorist-Futures-European-Jihadists-and-the-New-Crime-Terror-Nexus.pdf/> (дата обращения: 18.11.2016).
 14. Йемен: нищета и терроризм. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/> (дата обращения: 03.12.2016).
 15. Deradicalization Programming in Pakistan. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.usip.org/sites/default/files/PB193DeradicalizationProgramminginPakistan.pdf/> (дата обращения: 01.11.2016).
 16. Дерадикализация Ислама. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mignews.ru/news/society/world/090308_233218_03753.html/ (дата обращения: 08.06.2016).
 17. Страна басков: по пути примирения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianspain.com/blog/news/7202.html/> (дата обращения: 12.12.2016).
 18. *Сысоев А. М.* Подходы к пенитенциарной дерадикализации осужденных за преступления религиозного экстремизма в странах Ближнего Востока и Азии. // Вестник института: преступление, наказание, исправление, 2014. № 1. С. 83-85.
 19. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // Собрание законодательства РФ. № 43, 2010. Ст. 5544.
 20. *Зауторова Э. В.* вопросу о психолого-педагогическом воздействии на осужденных, имеющих религиозные экстремистские убеждения // Вестник Института: преступление, наказание, исправление, 2014. № 2 (26). С. 52-56.

Современный терроризм как угроза национальной безопасности России: уголовно-правовой аспект

Сараев Н. В.¹, Чекина А. В.²

¹Сараев Николай Вячеславович / Saraev Nikolay Vyacheslavovich - кандидат юридических наук, доцент;

²Чекина Арина Вячеславовна / Chekina Arina Vyacheslavovna - магистрант, кафедра уголовного права и криминологии, Ростовский институт (филиал) Всероссийский государственный университет юстиции Российская правовая академия Минюста России, г. Ростов-на-Дону

Аннотация: в статье исследованы вопросы сущности терроризма как правового и политического феномена, правовые основы борьбы с терроризмом, предпосылки его возникновения в Российской Федерации. В настоящее время проблема терроризма является самой актуальной, глобальной проблемой современности, которая должна рассматриваться в комплексе с общечеловеческими проблемами. Терроризм становится все более опасным по масштабам непредсказуемости и причиненным последствиям явлением в общественно-политической жизни человечества.

Abstract: in the article the questions of the essence of terrorism as a legal and political phenomenon, the legal framework of the fight against terrorism, preconditions of its occurrence in the Russian Federation. Currently, the problem of terrorism is the most pressing global issue of our time, which should be considered in conjunction with universal problems. Terrorism is becoming more dangerous scale, unpredictability and consequences caused by the phenomenon in public and political life of mankind.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, национальная безопасность, борьба с терроризмом.

Keywords: terrorism, terrorist act, national security, the fight against terrorism.

Постановка проблемы

Проблему современного терроризма сложно исследовать, т. к. за последние двести лет это явление претерпело существенные трансформации. В 19 в. террористические акты имели более локальный характер и были направлены против отдельных монархов, политических, общественных или военных деятелей. В 20 ст. террористические угрозы становятся проблемой государственной безопасности целых стран. А в начале 21 в. терроризм приобретает черты глобальной угрозы международной безопасности.

Современный терроризм – часть политических и социально-экономических процессов в мире, которая представляет значительную угрозу международной и национальной безопасности. Начавшись с единичных проявлений, сейчас он превратился в массовое явление, стал разновидностью организованной преступности, которая основывается на мощной теневой экономике.

Сегодня необходимо говорить о террористической деятельности и ее последствиях как дестабилизирующем факторе воздействия на социально-политическую систему РФ, угрозе ее национальной безопасности.

Анализ последних исследований

Терроризм – опасное политическое, правовое и социальное явление. Активные исследования данного явления проводят политологи, юристы, историки, социологи и другие ученые. Однако в настоящее время мы не можем говорить о существовании целостной криминологической теории терроризма, в которой бы полноценно раскрывались сущностные характеристики терроризма, пути борьбы с ним и нейтрализации его последствий.

В 60-80 годах прошлого века появляются первые серьезные исследования терроризма как социального явления. Этой научной проблематикой занимались такие серьезные правоведы и обществоведы, как А. Александер, Дж. Бейкер, Дж. Белл, Д. О'Брайен, Ж. Диспо, Ч. Добсон, Б. Дженкинс, М. Креншоу, У. Лакер, Е. Г. Ляхов, Л. А. Моджорян, Я. Немеш, А. Полити, М. Ренсторп, Ф. Тессандори, П. Уилкинсон и другие.

В 2000-х годах проблематикой терроризма занимаются отечественные ученые Ю. М. Антонян, Н. С. Беглова, В. В. Витюк, А. Е. Жалинский, В. С. Комиссаров, М. Я. Лазарев, В. В. Лупеив, С. А. Эфилов и другие.

Цель исследования

Рассмотреть уголовно-правовые аспекты терроризма как социально-политического феномена и угрозы национальной безопасности РФ.

Изложение основного материала

Терроризм (от лат. *terror* – страх, запугивание) – это форма политического экстремизма, применение или угроза применения жестоких методов насилия, включая физическое уничтожение людей, запугивание правительств и населения для достижения определенных целей.

Существуя вначале как разновидность организованной преступности, терроризм в наше время глубоко погрузился в теневую экономику, взял на вооружение и активно использует не только сверхсовременное оружие, но и мощные технологии, прежде всего информационные. Это сделало терроризм распространенным и устойчивым социально-политическим явлением. При этом причин появления экстремизма и терроризма достаточно много. Основные из них – это причины экономического, политического, исторического, этнического, психологического, религиозного и социального характера.

Ученые выделяют три основных вида террора:

- внутренний (действия граждан одного государства против соотечественников на собственной территории);
- транснациональный (соответствующие действия граждан одного государства против соотечественников на территории других государств);
- международный (действия групп граждан, единых или смешанных по национальному составу, против любых лиц на территории третьих стран).

Правовую основу борьбы с терроризмом в РФ составляют Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, Уголовный Кодекс РФ (далее – УК РФ), Федеральный закон «О противодействии терроризму» и другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента и Правительства РФ, федеральных органов государственной власти.

Рост количества террористических актов, непредсказуемость последствий этих актов вызывают большую обеспокоенность мировой общественности, которая все больше активизирует свои усилия в борьбе с терроризмом. Начиная с 27-й сессии, Генеральная Ассамблея ООН ежегодно обсуждает вопрос о мерах по предотвращению терроризма. В декабре 1972 был создан Специальный комитет по вопросам международного терроризма, в который вошли представители 34 государств.

Международно-правовой основой борьбы с терроризмом является «Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма», утвержденной на 49-й сессии Генеральной ассамблеи ООН (резолюция 49/60 от 9 декабря 1994). Этот документ устанавливает принципы отношений мирового сообщества и программу мер по ликвидации международного терроризма, а также направления дальнейшего сотрудничества между государствами для неотложной ликвидации всех форм и проявлений террористической деятельности.

В 2000-е годы было принято более десяти конвенций и протоколов по борьбе с терроризмом. Однако многообразие форм его проявлений затрудняет решение этой проблемы.

Уголовно-правовая охрана интересов граждан от деструктивного воздействия террористов обеспечивается соответствующими нормами УК РФ – ст. 205.

Террористический акт; ст. 205.1. Содействие террористической деятельности; ст. 205.2. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма; ст. 205.3. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности; ст. 205.4. Организация террористического сообщества и участие в нем; ст. 205.5. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации.

В соответствии со ст. 205 УК РФ под террористическим актом понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях. Деяния, предусмотренные частями ст. 205 УК РФ, отнесены законодателем к категории особо тяжких преступлений.

Немаловажно, что законодатель учел в УК РФ важность борьбы с терроризмом вне зависимости от сроков давности совершения преступных деяний террористической направленности. Так, в ч. 5 ст. 78 УК РФ устанавливает, что к лицам, совершившим преступления террористической направленности или деяния сопряженные с осуществлением террористической деятельности, сроки давности не применяются. В контексте данного уместно вспомнить слова Президента РФ В. В. Путина: «Мы должны делать это (авт. – бороться с терроризмом) без срока давности, знать их (авт. – террористов) всех поименно. Мы будем искать их везде, где бы они ни прятались. Мы их найдем в любой точке планеты и покараем» [7].

Выводы

Терроризм возникает, когда общество переживает глубокий кризис, в первую очередь – кризис идеологии и государственно-правовой системы. В обществе появляются различные оппозиционные группы – политические, социальные, национальные, религиозные – для которых законность и легитимация существующей власти и всей ее системы становятся сомнительными. Если такие группы приходят к выводу, что не могут добиться своих политических целей законным путем, они попытаются достичь желаемого через насилие, т.е. терроризм, что создает угрозу безопасности личности, общества и государства.

Всю серьезность феномена терроризма современные государства осознали относительно недавно. Это было обусловлено целым рядом террористических актов в течение последних тридцати лет. Они вызвали массовые жертвы среди мирного населения и подорвали национальную безопасность многих стран. Ввиду данного сегодня можно говорить о терроризме как одной из основных угроз национальной безопасности как России, так и других прогрессивных стран. Это актуализирует необходимость разработки и реализации комплексной системы мер борьбы с терроризмом.

Литература

1. *Дерюгина Ю. Н.* Терроризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 62.
2. *Раззаков Ф. И.* Век террора / Ф. И. Раззаков. М.: Эксмо, 2003. С. 372.
3. *Шестаков В.* Террор – мировая война. М.: Олма-Пресс Образование, 2003. С. 278.
4. *Юшина С. В.* Феномен «терроризм» и многообразие его проявлений // Изв. высш. учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки (Социология и политология), 2008. № 4. С. 49.
5. *Боташева А. К.* Терроризм как фактор современных политических процессов: детерминация, проявления, стратегия противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 13-16.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
7. Путин: Россия найдет террористов в любой точке планеты и покарает. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/politika/2444341/> (дата обращения: 17.11.2015).

Дорожно-транспортные преступления как частный случай причинения тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности

Кобельков А. А.

*Кобельков Александр Алексеевич / Kobelkov Alexander Alekseevich – магистрант,
кафедра уголовно-правовых дисциплин,
Некоммерческое образовательное учреждение высшего профессионального образования
Международный юридический институт,
инспектор дорожно-патрульной службы,
Межмуниципальный отдел министерства внутренних дел России «Шуйский», г. Иваново*

Аннотация: в статье рассмотрены актуальные вопросы ограничения дорожно-транспортных преступлений, представляющих частный случай причинения тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности, от нарушений правил охраны труда и преступлений против личности с такими же последствиями. Автором показано, что вызванные трудности квалификации дорожно-транспортных преступлений носят объективный и субъективный характер, а практика испытывает значительные трудности в определении элементов составов автотранспортных преступлений и в их разграничении со смежными составами.

Abstract: the article deals with topical issues of separating road traffic offences, representing a special case of the infliction of grievous bodily harm or death by negligence, violations of safety rules and crimes against the person, with the same consequences. The author shows that the difficulties caused by the qualification of road traffic offences are objective and subjective, and the practice is experiencing significant difficulties in defining the elements of compounds, motor offences and their separation from related compounds.

Ключевые слова: дорожно-транспортное преступление, нарушение правил безопасности движения, безопасность движения.

Keywords: road traffic crime violation of the rules of traffic safety, traffic safety.

Дорожно-транспортные преступления представляют собой частный случай причинения тяжкого вреда здоровью или смерти по неосторожности, что вызывает определенные трудности при отграничении преступлений от других способов причинения указанных последствий.

Практика по вопросам отграничения дорожно-транспортных преступлений от нарушения правил охраны труда и преступлений против личности до настоящего времени осталась неизменной.

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что «действия водителя транспортного средства, повлекшие указанные в ст. 264 УК РФ последствия не в результате нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, а при погрузке или разгрузке, ремонте транспортных средств, производстве строительных, дорожных, сельскохозяйственных и других работ, должны квалифицироваться в зависимости от наступивших последствий и формы вины по соответствующим статьям УК РФ,

предусматривающим ответственность за преступления против личности либо за нарушение правил при производстве работ» [1].

Особенно сложно решаются такие вопросы в случае причинения вреда при эксплуатации строительных, сельскохозяйственных и иных специальных машин, предназначенных для выполнения определенных работ. С одной стороны, они относятся к транспортным средствам, с другой стороны, управление ими в процессе использования по прямому назначению не связано с правилами безопасности движения. В связи с этим, в процессе квалификации следует выяснять, использовались ли механизмы как транспортные средства или вред причинен при производстве специальных работ. В первом случае страдают общественные отношения в сфере безопасности движения, а во втором – общественные отношения, охраняемые ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности», ст. 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности» (жизнь и здоровье), ст. 143 УК РФ «Нарушение требований охраны труда» (право на безопасный труд) и др. При этом, если самоходный механизм используется при производстве специальных работ, то нарушаются соответствующие правила их производства, а не Правила дорожного движения. И наоборот, если самоходный механизм используется как транспортное средство, то действуют Правила безопасности движения, и в случае причинения вреда в результате их нарушения ответственность наступает за дорожно-транспортное преступление.

Большинство ученых считает, что функция движения не должна рассматриваться в отрыве от предназначения транспортного средства – перемещения грузов или людей, поэтому, если автомашина использовалась в качестве механизма нетранспортной операции, то ее перемещение не подпадает под действие Правил дорожного движения, а водитель – под санкцию ст. 264 УК РФ. В данном аспекте интересной выглядит точка зрения, например, С. Проценко, который считает, что для повышения эффективности борьбы с транспортными преступлениями и устранения возможных разногласий законодателю необходимо предусмотреть примечание не к одной статье, а к целой главе 27 УК РФ» [2].

Сложнее дифференцировать ответственность в случае нарушения водителем правил безопасности движения, специально разработанных для передвижения по особому рода дорогам. В случае нарушения названных правил, регламентирующих отношения безопасности при производстве определенных работ, содеянное квалифицируется как преступление против личности или нарушение правил охраны труда.

«Важную роль в разграничении дорожно-транспортного преступления и преступления против личности, совершенного с использованием механического транспортного средства, играют пространственные пределы действия тех правил, которые нарушены водителем» [1]. Правила дорожного движения написаны с «привязкой» к дорожным знакам, разметке, сигналам светофора и т. д. Под дорогой понимается обустроенная и используемая для движения транспортных средств полоса земли либо поверхность искусственного сооружения. В Федеральном законе «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 № 196-ФЗ говорится о юридически значимых пространственных пределах, что подтверждается и положениями п. 4 постановления Пленума Верховного суда РФ от 9 декабря 2008 г.

Вместе с тем, на территории государства имеются проселочные дороги без определенных границ и соответствующей разметки. Как в таких случаях квалифицировать нарушения Правил движения? Представляется, что движение транспортных средств как источника повышенной опасности нуждается в регулировании независимо от места: в условиях бездорожья или в лесу. Правила дорожного движения содержат правила, имеющие общий характер, т. е. должны выполняться водителем независимо от места управления транспортным средством; некоторые – специальный, рассчитанный только на дорогу. При этом пункт 10.1. Правил содержит универсальную норму, которая регулирует, как водитель должен вести транспортное средство, как по дороге, так и вне дорог.

Следовательно, часть правил, обеспечивающих безопасность движения, имеет универсальный характер и не «привязана» к дороге. По мнению Н. И. Пикурова, «в случае нарушения таких универсальных правил вне дорог более адекватной характеру опасности была бы квалификация нарушений по ст. 264 УК РФ, а не по ст. 109 УК РФ или ст. 114 УК РФ, если вред причинен в результате использования самоходного механического устройства в качестве транспортного средства» [3].

Представляется, что критерием отграничения от смежных составов преступлений является характер производимых работ, и вид нарушенных правил. Если транспортное средство использовалось в качестве механизма для производственных работ, то нарушение правил безопасности их проведения следует квалифицировать по ст. 143, 109, 114 УК РФ.

Например, «Д. был привлечен к уголовной ответственности за дорожно-транспортное преступление. Управляя трактором, Д. с помощью троса разгружал автомобиль над силосной ямой. При очередной разгрузке трактор наехал на отцеплявшую трос Ж., которая от полученных повреждений скончалась.

Д. своими действиями причинил вред не в результате нарушения правил безопасности движения, а вследствие нарушения правил охраны труда. Поэтому его действия обоснованно квалифицированы по статье о лишении жизни по неосторожности» [4].

Если транспортное средство использовалось для перевозки людей или грузов, водитель обязан соблюдать универсальные правила движения и эксплуатации транспортных средств независимо от места движения. В случае причинения тяжкого вреда здоровью или смерти в результате их нарушения водитель должен нести ответственность по ст. 264 УК РФ.

Однако, утверждение о том, что для квалификации следует определить, связано ли происшествие с дорожным движением или имеет иную природу, нельзя абсолютизировать. Правила дорожного движения не могут быть рассчитаны на случаи, когда автомобиль используется не как транспортное средство, а как механизм, приспособленный для выполнения технических операций. Грань между хозяйственными и транспортными работами не всегда очевидна и определяется в каждом конкретном случае с учетом фактически сложившихся обстоятельств.

Кроме указанных признаков ограничительным критерием является техническая характеристика транспортного средства. «Если тяжкий вред здоровью или смерть причинены в результате нарушения правил дорожного движения лицом, управляющим транспортом, не соответствующим критериям мощности двигателя, содеянное квалифицируется по ст. 268 УК РФ. Лица, управлявшие указанными транспортными средствами и допустившие нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, несут ответственность соответственно по ч. 1, 2 или 3 ст. 268 УК РФ» [1].

Таким образом, квалификация дорожно-транспортных преступлений связана с определенными трудностями объективного и субъективного характера. Практика испытывает значительные трудности в определении элементов составов автодорожных преступлений и в их разграничении со смежными составами.

Во-первых, необходимо разграничивать преступления в этой сфере и административные правонарушения, ответственность за которые предусмотрена в главе 12 КоАП РФ. Во-вторых, следует учитывать и дифференциацию преступных деяний внутри указанной категории (ст. 263, 264 и 268 УК РФ). В-третьих, есть отдельные факты, требующие отграничения дорожно-транспортных преступлений от преступлений против личности.

Для правильной квалификации следует определить характер происшествия, а именно: связано оно с дорожным движением или имеет иную природу; выполнялась ли транспортная функция механизма или происшествие связано с выполнением

технологических операций, не связанных с движением транспортного средства; регулировались ли действия правилами дорожного движения или речь идет о производстве действий, урегулированных правилами техники безопасности.

Повышенная опасность автомобиля возникает при его движении. В этом состоит принципиальное отличие проведения определенных работ с помощью транспортных средств от нарушения правил дорожного движения.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2009.
2. *Проценко С. В.* О транспортном средстве как источнике повышенной опасности в российском уголовном законодательстве // Российский следователь, 2009. № 23. С. 19.
3. *Пикуров Н. И.* Квалификация транспортных преступлений. Научно-практическое пособие. М.: РАП, 2011. С. 54-55.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ, 2005. № 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vsrfl.ru/second.php/> (дата обращения: 10.11.2016).
5. Бюллетень Верховного Суда РФ, 2000. № 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vsrfl.ru/second.php/> (дата обращения: 10.11.2016).
6. Постановление Минтруда РФ от 12.05.2003. № 28 «Об утверждении Межотраслевых правил по охране труда на автомобильном транспорте» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 19.06.2003 № 4734) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 41, 13.10.2003.

Криминологическая характеристика серийных убийств, проблемы и перспективы развития Меднов М. Р.

*Меднов Михаил Романович / Mednov Mikhail Romanovich – студент,
кафедра уголовного права и криминологии,
Юридическая школа
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток*

Аннотация: предметом данного исследования мы избрали проблемы криминологической характеристики серийных убийств как одного из вида серийных преступлений. В исследовании проведен анализ понятия серийного убийцы, его основных характеристик.

Abstract: the subject of this study, we have chosen the problem of criminological characteristics of serial murders as one of the kinds of serial crimes. The study analyzes the concept of a serial killer, its key features.

Ключевые слова: убийства, серийные убийцы, криминология.

Keywords: murder, serial killers, criminology.

Проходящие в данный момент в России экономические и социальные процессы, а так же изменения, все более явно проявляющаяся тенденция к обострению социально-экономических, национальных и иных противоречий вылились в массу факторов и

создали благоприятные условия для повышения криминализации общества, в том числе, повышение общеуголовных преступлений. Проблема серийной преступности в настоящее время становится очень актуальной, ибо серийная преступность обретает все больший размах. Особого внимания заслуживает один из видов преступлений, а именно самый тяжкий из них - серийные убийства.

На практике все сложилось так, что проблема серийных убийств долгое время относилась к компетенции ученых - криминалистов, правоохранительных органов и суда. Но сегодняшний размах данного явления уже не позволяет решить эту проблему имеющимися у приведенных выше специалистов методами. Раскрытие и расследование серийных убийств, прежде всего, крайне сложная и многоаспектная проблема, требующая совместной работы специалистов из множества областей, в связи с чем в последние годы наметилась тенденция внедрения в эту область психиатров и психологов, без помощи которых ученые – криминалисты уже не могут дать исчерпывающего ответа на вопросы: кто, почему и каким образом становится «серийным убийцей» и, как следствие, не могут выработать жизнеспособную криминологическую стратегию по защите общества от этой патологии.

«Серия преступлений представляет собой последовательный ряд тождественных по своим значимым криминалистическим признакам двух и более преступлений, совершенных одним и тем же лицом или одной и той же группой лиц в разное время, за которые они еще не были привлечены к уголовной ответственности. Каждое тождественное по своим значимым криминалистическим признакам преступление, составляющее серию, именуется серийным и соотносится с вышеобозначенным понятием как часть целого»¹. Чтобы лучше понять криминологическую природу данных преступлений нужно отделить серийные убийства от общего числа преступлений. Важно начать с субъективного состава и проанализировать понятие «серийного убийцы». Как показывают криминологические исследования – наиболее распространенный портрет убийцы это мужчина в возрасте от 18 до 50 лет, злоупотребляющий алкогольными напитками или наркотическими веществами, отличается маргинальным, антиобщественным поведением, жестокостью, грубостью, часто повышенной половой возбудимостью и неуважительным и даже презрительным отношением к женщинам, ранее, обычно, уже привлекался к уголовной ответственности.

Среди данного вида убийц случаи психических заболеваний не редкость, довольно нередко в ходе следствия обнаруживается, что этим людям необходимо лечение от алкогольной зависимости или наркомании. Эта характеристика подходит для большого числа случаев, так называемых «бытовых убийств», а также для некоторых случаев уличных корыстных убийств.

Наиболее более сложными для изучения являются нетипичные убийцы. К данному виду можно отнести, так называемых «серийных» убийц. Данный термин «серийный убийца» появился в 1976 году и был применён для описания личности Теодора Роберта (*Тед*) *Банди*. Но наиболее распространённое применение, данный термин получил после судебного разбирательства по делу Дэвида Берковица. Серийных убийц необходимо отделять от массовых (в течение короткого времени убивающих множество людей без периодов эмоционального охлаждения) и от цепных (в течение длительного времени убивающих множество людей без периодов эмоционального охлаждения). «Серийный убийца — это человек, совершивший не менее трех отдельных убийств по неочевидным мотивам. Серийный убийца, как считают большинство авторов, это человек, совершивший не менее трех отдельных убийств по неочевидным мотивам»² Наиболее часто жертвами серийного убийцы являются незнакомые ему люди. Жестокость и

¹ Аверина Н. А. Раскрытие серийных преступлений против личности и убийств, совершенных по найму: учебно-метод. пособие / Н. А. Аверина, А. И. Скрыпников. М.: Норма, 2008.

² Бородин С. В. Преступления против жизни / С. В. Бородин. М.: Просвещение, 1999. 3.

беспощадность данных преступников бывает настолько чудовищной, что память об их деяниях живет десятилетиями и даже столетиями. Для этого вида убийц, а именно совершающих неоднократные убийства, так называемые «серии», присуще малое интеллектуальное развитие, наличие слабовыраженной патологии, склонность к садизму и иным половым отклонениям, которые эти люди воплощают в жизнь во время совершения преступлений. Насилие, причинение страданий и мук своей жертве «серийные убийцы» воспринимают как обязательный метод самоутверждения или действие, во время которого, они испытывают наслаждение. Поэтому, на этой основе принято выделять две категории серийных убийц:

К первой категории относятся, те «серийные убийцы» ставящие себе цель занять более выгодную (доминирующую) позицию и применяют жестокость потому, что находят её наиболее эффективным методом самоутверждения, тем самым в своих глазах они становятся более авторитетными;

Ко второй категории относятся, те преступники, которым процесс насилия, причинения страданий, изувечивание своей жертвы служит своеобразным способом достижения удовольствия¹.

При убийствах этот вид преступников, обычно, использует одинаковые для своей «серии» способы подбора жертвы, методы совершения убийства, а так же методы сокрытия следов преступления. Род деятельности «серийных убийц» может быть, абсолютно различным и сейчас нет никакой обоснованной теории, которая бы убедительно свидетельствовала о взаимосвязи профессии и преступным поведением присущим данным людям.

На самом деле, такие преступники обычно встречаются там, где их меньше всего ожидают встретить, поэтому они и являются одними из самых опасных. К примеру, большое число «серийных убийц» являются врачами. Вину этих людей чрезвычайно сложно доказать, так как у данных убийц есть доступ к сложным и слабо распознаваемым ядам, а также, так как эти люди являются дипломированными специалистами, то они владеют анатомическими знаниями. Жертвами серийных убийц с медицинским образованием, становятся их пациенты. Мотивом может служить личное обогащение и так называемое убийство из милосердия тяжелобольного человека. Самые известные врачи - серийные убийцы: Гарольд Шипман (Англия), Джон Бодкин Адамс (Англия), Дональд Харви (США) и др. К сожалению, среди работников полиции, нередко, встречаются «серийные убийцы». Вину, так называемых «оборотней в погонах» трудно доказать, так как эти люди, имеют навыки, в области криминалистики способны стирать все следы преступления, а так же имеют доступ к уголовному делу практически на всех его стадиях. В большинстве своем, полицейские – серийные убийцы руководствуются сексуальными или корыстными мотивами. Наиболее яркими примерами являются серийные убийцы Сергей Ткач и Михаил Попков, который был осужден за убийства 22 женщин из города Ангарска Иркутской области и в двух покушениях на убийство.

Подводя итог, мы можем сделать вывод о том, что, не смотря на все усилия ученых различных областей, до сих пор не выявлено четких криминологических характеристик серийных преступников. Серийные преступники до сих пор остаются нетипичными субъектами. Необходимо продолжать научную работу в этом направлении, чтобы создать реально действующую методику по выявлению «серийных убийц», а так же по пресечению и искоренению данного вида преступности. И так, серийным убийцей называют человека, совершившего не менее трех отдельных убийств по неочевидным мотивам. Наиболее часто жертвами таких преступников являются совершенно незнакомые ему люди.

¹ Крюкова Е. С. Взаимосвязь между случаями жестокого обращения с животными и серийными убийствами // Законодательство, 2015. № 2. С. 78-87.

Литература

1. *Крюкова Е. С.* Взаимосвязь между случаями жестокого обращения с животными и серийными убийствами // Законодательство, 2015. № 2. С. 78-87.
2. *Аверина Н. А.* Раскрытие серийных преступлений против личности и убийств, совершенных по найму: учебно-методическое пособие / Н. А. Аверина, А. И. Скрыпников. М.: Норма, 2008.
3. *Бородин С. В.* Преступления против жизни / С. В. Бородин. М.: Просвещение, 1999.
4. Криминалистика плюс криминалисты равно опыт борьбы с преступностью: монография / Е. Г. Килессо, Я. В. Комиссарова, В. О. Перч. М.: Юрлитинформ, 2005.
5. Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М.: Норма, 1999.
6. Пособие для следователя. Расследование преступлений повышенной общественной опасности / под ред. А. И Дворкина, Н. А. Селиванова. М.: Лига Разум, 1998.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Электронный носитель информации как доказательство по уголовным делам

Федюкина А. Ю.

Федюкина Анна Юрьевна / Feduykina Anna Yurievna – кандидат юридических наук,
кафедра уголовного процесса,
Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград

Аннотация: в статье анализируется понятие «электронный носитель информации» в теоретическом и в уголовно-процессуальном аспекте. Рассмотрен порядок изъятия электронного носителя информации как доказательства по уголовным делам. Обозначены проблемные аспекты определения места электронных носителей в системе доказательств. Предложено законодательно закрепить за электронным носителем информации статус вещественного доказательства.

Abstract: the article analyzes the concept of "electronic media" in the theoretical and criminal procedural aspect. The order of withdrawal of electronic media as a proof in criminal cases. Marked problematic aspects of determining the place of evidence in electronic media system. It is proposed to legislate for the electronic media the status of evidence.

Ключевые слова: электронный носитель информации, доказательства, следственные действия, вещественные доказательства.

Keywords: electronic media, evidence, investigations, real evidence.

Сравнительно недавно в уголовно-процессуальном законодательстве появилось понятие - электронный носитель информации. Данное нововведение было связано с развитием киберпреступности, а также экономических преступлений, основная масса которых совершается с использованием электронных технических средств. Так, за 10 месяцев 2016 года число преступлений данной категории составило - 99,96 тысяч, а их удельный вес в общем числе зарегистрированных - 5,4% [1].

Сам термин «электронный носитель информации» можно трактовать достаточно широко, так как УПК РФ не дает определения данного понятия. В соответствии с п 3.1.15 ГОСТ 2.051-2006, электронный носитель - материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемых с помощью средств вычислительной техники [2]. Под материальными носителями обычно понимают карты памяти sim или flash, дискеты, CD, DVD, BLU-Ray диски, жесткие диски компьютера, магнитные ленты и другие информативные электронные устройства.

Некоторые авторы, к электронным носителям информации относят непосредственно мобильные устройства (телефоны, смартфоны), с помощью которых можно получить информацию о записях телефонной книги, журналах вызовов, текстовых сообщениях, контактах в электронной почте, переписке в различных социальных сетях, изображениях; аудио и видео-файлах и других действиях с телефоном [3, с. 32]. Следуя данной логике к этой группе можно отнести компьютер, моно-блок, ноут-бук или планшет, в файлах которого храниться интересующая правоохранительные органы информация. Электронными носителями, по своей сути, являются банковские платежные карты и другие технические средства (например, банкоматы или терминалы) с помощью которых осуществляется перевод денежных средств. Так, согласно п. 19 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» существует такое

понятие как электронное средство платежа - это средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств [4].

Процессуальный порядок получения доказательств в виде электронных носителей информации при производстве по уголовным делам, регламентируется статьями 182, 183 УПК РФ, посвященных обыску и выемке. Обязательным условием для изъятия электронных носителей является присутствие специалиста, понятых, а также законного владельца электронного носителя информации или обладателя содержащейся на нем информации.

Копирование информации с электронных носителей допускается в исключительных случаях по усмотрению следователя (дознателя), если это не воспрепятствует дальнейшему производству по уголовному делу и не повлечет за собой разглашение данных содержащихся на носителе. Примечательно, что основанием для запрета копирования информации является заявление специалиста о том, что данное действие может привести к утрате или искажению информации.

В случае, принятия решения о копировании информации с электронного носителя, законный владелец имеет право только на электронную копию, но никак не на оригинал. Все произведенные действия с электронными носителями должны быть зафиксированы в протоколе соответствующего следственного действия.

Несмотря на то, что законодатель достаточно подробно регламентировал порядок изъятия электронных носителей информации, существует проблема определения их места в системе доказательств по уголовным делам. Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ законодатель не относит электронные носители информации ни к одному из видов доказательств. Вместе с тем, ч. 2 ст. 84 УПК РФ подразумевает, что они могут быть отнесены к категории «иные документы», что не совсем понятно, так как ч. 4 ст. 81 УПК РФ, посвященная вещественным доказательствам, их также упоминает, причем в достаточно спорном контексте, в частности, указывается, что изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами электронные носители информации подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты. Получается, что электронные носители информации все-таки могут быть признаны вещественными доказательствами. В подтверждение тому, норма ч. 1 ст. 81.1 УПК РФ гласит, что предметы и документы, указанные в части первой ст. 81 УПК РФ, включая электронные носители информации, изъятые в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела, о чем выносится соответствующее постановление.

Более того, возвращаясь к буквальной трактовке ч. 2 ст. 84 УПК РФ, имеющей отсылочную норму на ст. 86 УПК РФ, посвященную собиранию доказательств, можно обоснованно предположить, что электронные носители информации могут изыматься не только в ходе обыска и выемки, но и в результате производства иных следственных действий, например, в ходе осмотра, о чем также умалчивает законодатель.

На основании вышеизложенного считаем целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, включив в число вещественных доказательств электронные носители информации, что позволит законодательно закрепить их принадлежность к определенному виду доказательств, а также расширит рамки возможностей их получения в ходе иных следственных действий, а не только в процессе обыска и выемки.

Литература

1. Состояние преступности январь - октябрь 2016 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gostbaza.ru/?gost=4288/> (дата обращения: 12.12.2016). <https://мвд.рф/reports/item/8922474/> (дата обращения: 12.12.2016).
2. ГОСТ 2.051-2006 Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gostbaza.ru/?gost=4288/> (дата обращения: 12.12.2016).
3. Скобелин С. Ю. Использование специальных знаний при работе с электронными следами // Российский следователь, 2014. № 20. С. 32.
4. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Отрицательное воздействие Западного либерального мировоззрения на уголовное судопроизводство России, на примере протестантских воззрений И. Канта и Г. Гегеля Середнев В. А.¹, Егутов А. В.²

¹Середнев Владимир Анатольевич / *Serednev Vladimir Anatolievich* – преподаватель;

²Егутов Артем Валерьевич / *Egutov Artem Valeryevich* – студент,
кафедра права, философии и социальных дисциплин, факультет экономики и права,
Арзамасский филиал

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Арзамас

Аннотация: в статье показано отрицательное воздействие Западного либерального права на уголовное судопроизводство России. Описаны основные черты западного человека и русского человека, на основании чего выделен либеральный эгоизм в регулировании общественных отношений в области судопроизводства, который неприемлем для русского человека, для которого одним из основных регуляторов должны быть нравственные и духовные аспекты.

Abstract: in the article shows the negative impact of the Western liberal rights in the criminal proceedings in Russia. The basic features of Western man and a Russian, on the basis of which highlighted the liberal selfishness, in the regulation of social relations in the field of justice, which is unacceptable for the Russian people, for which one of the main regulators must have the moral and spiritual aspects.

Ключевые слова: либерализм, И. Кант, Г. Гегель, Запад, мораль, русский, душа, духовность, традиция, нравственность, народ, уголовное судопроизводство.

Keywords: liberalism, Kant, G. Hegel, West, morality, Russian, soul, spirituality, tradition, morality, nation, criminal proceedings.

Существует преемственность государственного права, которая восходит к «Правде Ярослава», далее к «Правде Ярославичей» и так вплоть до «Судебника» Ивана Грозного, к постановлениям Стоглава, и позже - к петровской «Табели о рангах»... Неважно, как были на каждом этапе сформулированы правовые модели; важно, что они всегда помещали русское общество в правовой контекст.
А. Г. Дугин

Существуют всегда истоки, так называемого «творческого наследия», т. е. деятельность и творчество определенных лиц, которое могло бы положительно воздействовать на те или иные общественные отношения. Если говорить об уголовном судопроизводстве России, то мы точно знаем каких мыслителей ни в коем

случае нельзя считать источниками для использования их творчества в уголовном процессе России. Это немцы И. Кант и Г. Гегель.

Следует сказать, что творчество этих двух западноевропейских мыслителей конкретно не подвергалось изучению, с целью установления отрицательного воздействия на механизм Российского уголовного судопроизводства. Хотя применение творчества Г. Гегеля, относительно уголовного судопроизводства России, рассматривалось, например, профессором В. Ю. Толстоуцким, в работе «Гегелевская гносеология как основа понимания места следователя в системе досудебного производства по уголовному делу» [25, с. 513-518]. Но в данной работе нет ответа на вопрос, как влияет творчество Г. Гегеля на формирование, например, убеждения следователя, а самое главное на его *нравственное отношение к своей деятельности*, при принятии определенных процессуальных решений, проведении следственных действий. Нам же думается, что Г. Гегель, так же как и И. Кант, были выходцами из протестантской культуры, соответственно их творчество не может соответствовать культурному архетипу, исторически-мифологическим образам, а также духовному и нравственному наследию русского народа, культура которого самодостаточна. Исторически-мифологический образ выглядит следующим образом: «Черта, характерная для русского менталитета, - это гуманное мировоззрение, когда на первом месте в системе ценностей человека стоят судьбы всего человечества, на втором плане - судьба своего народа, на третьем - судьба своей семьи, собственная судьба...» [17, с. 148-149].

Убеждения морального характера, а также все творческое наследие И. Канта и Г. Гегеля являются плодом протестантской культуры, которая, по мнению М. Вебера, является одной из причин возникновения современного капитализма [7]. Основные отличительные ментальные понятия от русского менталитета в том, что в протестантской культуре отдается приоритет не содержанию, а форме. Для русского духа характерна вера в содержание (в сущность), а не в форму, содержание всегда первостепенно, а форма вторична. Историк права Ф. В. Тарановский писал: «Ни один народ не показывает такого отвращения к форме, как русский, ни в одной истории не встречается такой недоверчивости, неуважения к форме, как в русской... И в этом отношении русская история представляет совершенную противоположность с западной: там форма считается главным условием счастья гражданского человеческого, и западные народы, французский в особенности, ищут ее без памяти, от утра до вечера...» [24, с. 75]. В нашем случае уместно говорить о форме права, а конкретнее, рассмотрении уголовно-процессуальной формы. Русский человек, он другой, отличный от западного, западный человек, прежде всего - человек технический, русский же - духовный. Отрицательно к юридической форме в русской среде относились не только, близкий к славянофилам, историк М. П. Погодин, но и философ - славянофил Ю. Ф. Самарин, философские взгляды которого в начале жизненного пути формировались под воздействием философии Г. Гегеля, но впоследствии, изменил свои взгляды, после знакомства со славянофилами К. С. Аксаковым, А. В. Киреевским и особенно с А. С. Хомяковым, который и оказал влияние на его дальнейшее мировоззрение, направленное против западной либеральной мысли. Более того, русские мыслители западного направления («западники»), также отрицательно относились к форме. Среди них можно назвать русского философа, писателя и педагога А. И. Герцена [24, с. 77-82], который, указывал: «... предметное существование внутреннего есть именно внешнее: внутреннее, не имеющее внешнего, просто безразличное ничто» [9, с. 23], то есть форму видел всегда в единстве с содержанием.

В отличие от духовно-нравственных установок, в которые входят содержание (сущность), западная либеральная, в том числе и протестантская культура, не видит себя без формы, поскольку нравственным основаниям, как совесть, долг, честь не придают значения, считают эти феномены рудиментами, в том числе и в уголовно-

процессуальной деятельности. Для русского же человека, например, совесть, один из механизмов, регулирования уголовно-процессуальных решений. «...Совесть? Это внутреннее судилище русского человека, его внутренний долг перед всем обществом. Совесть в душе человека есть основной признак топики русского человека. Если убить совесть в русском человеке, наступает смерть его души. Любая попытка изъятия из русской топики души расценивается нами как нашествие вируса, как эпидемия, как тяжелое заболевание» [20, с. 227]. И верно замечает Т. Л. Миронова: «У других народов нет славянского понятия «совесть», этот феномен в западной матрице если и рассматривается, то как «внутреннее знание» [17, с. 269]. И конечно необходимый элемент русского человека - нравственность, вписанная в его душу. «У человека все же есть душа, именно «душа» в понимании русской топики, и есть совесть... Анализ западной литературы по социологии, психологии, философии показывает, что западные (европейские) авторы не пытаются изучать феномен души человека» [20, с. 227]. То есть, точнее сказать, что «Западная научная парадигма отрицает присутствие в человеке души» [20, с. 227].

Например, И. Кант, занимаясь учением о праве, вообще не придавал надлежащего значения содержанию (сущности), отдавая предпочтение форме, а уж тем более нравственной стороне регулирования общественных отношений в области судопроизводства. В связи с этим И. Кант указывал: «... право, имеет своим объектом внешнюю сторону поступков... оно чисто и не смешивается ни с какими нравственными предписаниями» [15, с. 597]. То есть И. Кант, как и всякое лицо, поддерживающее либеральную Западную идеологию не видит связи между правом и культурой, исторически-мифологическом наследием, духовно- нравственными ценностями народа. Однако, правовая наука и смежная с ней (мы в этом убеждены) наука философия, пытается рассматривать воззрения И. Канта и Г. Гегеля как эффективные средства борьбы с негативными проявлениями как в праве, так и в обществе в целом. Например, профессор Ю. К. Волков в своей работе «Философско-политические и философско-правовые интерпретации понятий преступление и наказание», исследуя творчество Г. Гегеля, относительно права замечает: «... как считает Гегель, государственные законы не могут распространяться на моральные убеждения...» [8, с. 148]. А мы убеждены в том, что как раз государственные законы и распространяются на моральные убеждения, но не на нравственность, поскольку мораль это закон, а правоприменитель - это нравственность. Более того, необходимо указать, что форма преобладает над содержанием не только в уголовном судопроизводстве России, где одним из требований допустимости доказательств с точки зрения достоверности является установление источника доказательства, но и в оперативно-разыскных технологиях, где результаты оперативно-разыскной деятельности не являются доказательствами по уголовному делу, причина - «засекреченный» источник информации. Хотя на наш взгляд, важнее содержание информации и ее проверка, а не установление источника, который не имеет связи с достоверностью информации (достоверность информации не зависит от того известен источник или нет).

Даже если рассмотреть сегодняшнюю систему принципов уголовного судопроизводства России, то очевидно, что практически все они сформированы, на концепции западного либерального учения «права человека», соответственно в принципах индивид, ставится выше общества, что противоречит русскому традиционному сознанию. Если же обратиться к истории, а точнее к УПК РСФСР, то в его содержании, мы увидим «классовый подход в обществе». Таким образом, в уголовно-процессуальном праве, можно отличить с одной стороны два формально различных учения, которые в своей сущности и «единстве борьбы противоположностей» - едины в целях. Это доктрины И. Канта «Учение о праве» и Г. Гегеля «Философия права» [18]. На основе данных учений были воссозданы две теории (концепции) уголовного судопроизводства. Одна концепция, нам известна, как

либеральная порожденная на основе трудов И. Канта. Вторая концепция уголовного судопроизводства «марксистско-ленинская», появившаяся на свет, благодаря работам Г. Гегеля. Более того при рассмотрении принципов уголовного процесса, можно увидеть, что принципы как концепций либералов, так и марксистов формально как бы отличаются, но цель преследуют одну, где во главу угла ставят принцип законности. «...В отечественной юридической литературе как дореволюционной [28, с. 75] и советской [23, с. 125], так и нынешней господствующей является точка зрения, согласно, которой законность является гарантией господства права над иными детерминантами уголовно-процессуальной деятельности» [10, с. 101-103]. Но это не совсем так, потому что во-первых, «уголовно-процессуальные отношения - это точка пересечения не только профессиональных, но и жизненно важных интересов людей, а в качестве механизма восстановления социальной справедливости - интересов всего общества» [29, с. 26]. Во-вторых, законность это правовой режим, который предполагает, чтобы граждане и должностные лица, строго соблюдали правовые нормы. Но дело в том, что все правовые нормы (законы), предусмотрены для применения в нормальных, обыденных жизненных ситуациях. В связи с этим немецкий юрист, философ и политический теоретик К. Шмитт, указывал, что «юридические нормы описывают только нормальную политико-социальную реальность, протекающую равномерно и непрерывно. Только к такой сугубо нормальной ситуации применимы в полной мере понятие «права», как его понимают юристы. Существует, конечно, регламентация «чрезвычайного положения»...» [12, с. 156]. К. Шмитт выдвинул теорию об «исключительных обстоятельствах», вот, что он о них писал: «Это момент, когда принимается политическое решение, в ситуации, которая не может быть более регламентированной обычными юридическими нормами. Решение в «исключительных обстоятельствах» предполагает соединение множества разнородных органических факторов относящихся как к традиции, историческому прошлому, культурным константам, так и к спонтанному волеизъявлению, героическому преодолению, страстному порыву, внезапному проявлению глубинных экзистенциальных энергий. Истинное решение... принимаемое именно в состоянии «разрыва» юридических и социальных норм...» [12, с. 158]. Анализируя работы К. Шмитта, мы полагаем, что он, верно, считал, что «исключительные обстоятельства» всегда сплачивает народ, мобилизует его на борьбу с «абсолютным злом», с агрессором [30, 31, 32]. На наш взгляд взгляд, верно интерпретирует Ален де Бенуа «исключительные обстоятельства» К. Шмитта: «Иными словами, чрезвычайная ситуация, или исключительное положение, определяются через внезапное возникновение редких событий или непредвиденных ситуаций, которые в силу своего угрожающего характера требует немедленного ответить на них мерами, которые сами исключительны (ограничение свобод, законом военного времени, осадным положением и т.д.) но считаются единственно подходящими для данной ситуации» [3, с. 120]. То есть может возникнуть обстоятельство, при котором необходимо будет принимать решение, не соответствующее норме закона, но которое должно базироваться на нравственно-духовном состоянии правоприменителя, и это решение должно быть единственно верным для защиты общества и государства. Именно по этим причинам не можем мы принцип законности считать основополагающим.

В настоящее время мы можем констатировать, что основой уголовно-процессуального законодательства России являются идеи двух немецких идеалистов философии И. Канта и Г. Гегеля (естественно идеи, которые впоследствии были интерпретированы либеральными идеологами). А именно:

«кантианство» (она же либеральная идеология) и «гегельянство» в нашей стране известная в качестве марксистской идеологии). Более того, в настоящее время дух либерально-протестантской идеологии пришел в научное творчество, которое в определенной мере пересекается с уголовным производством. Например, мы не так

давно, направлял одну из научных статей в журнал «Вестник ДВЮИ МВД России», в публикации было отказано лишь по той причине, что формальное требование публикации – «500 слов в аннотации», а у автора было 506, требования - не менее 10 листов, а у автора 9 листов. То есть никого в существующей либеральной парадигме не интересует смысл действительности, его содержание, либералы заставляют нас делать упор на форму и без содержания, а это уже связано в переход в совершенно другую социальную формацию, которая называется - постмодерн.

Может возникнуть вполне закономерный вопрос, «почему немецкие философы, а не японские или китайские, или может другие?» Ответ достаточно тривиальный, дело в том, что историческая реальность такова, что в свое время в Российской Академии наук из 13 академиков, например первого состава 1725 года, девять являлись немецкими учеными, приглашенными для работы в Россию. Считается, что в ходе развития Российской Академии наук к началу XX века Российская Академия наук по своему авторитету и влиянию встала в один ряд с самыми знаменитыми научными центрами мира, и во многом этому способствовали ученые немецкого происхождения [22]. Вот таким образом на почву русской мысли был занесен «ген» немецкой мысли и «в отечественной юридической науке учения как о понятии принципа уголовного процесса, так и об их системе формировались на западноевропейской методологической платформе» [1, с. 98].

Соответственно на сегодняшний день сущность УПК РФ составляет либеральная идеология, а УПК РСФСР, идеология марксизма-ленинизма (за небольшими исключениями, как в той, так и другой, которые, по сути, не имеют решающего значения, так как не устраняют отрыв от культурных ценностей русского народа).

Но нужно заметить, что либерализация российского уголовного процесса по западному типу, началась не «вчера». Отправной точкой, либерализации уголовного процесса России, на наш взгляд следует считать судебную реформу Александра II 1864 года, которую продолжил Александр III, направив свои реформы на стабилизацию (консервацию) социально-политической жизни в Российской империи после либеральных реформ предыдущего царствования. «Проведение судебной реформы на основе либеральной идеологии привело к отрыву от традиционных религиозных основ российской общности... от проведения либеральной реформы того времени стало формирование общественного атеизма и “духа чиновничества”» [6, с. 21]. Нужно сказать, что именно эти две реформы, второй половины XIX века, основой которой стала либеральная концепция общества, в итоге привели к разрушению государства (многочисленные бунты, и в конечном итоге захват власти преступной группировкой большевиков в 1917 году).

После прихода к власти, большевики, стали менять либеральные основания в праве (в том числе и в уголовно-процессуальном) на марксистско-ленинские основы организации уголовного судопроизводства, основанном на теории материализма и без духовности. «Западноевропейская либеральная парадигма уголовного судопроизводства была поглощена столь же западной правовой идеологией, а именно марксизмом» [1, с. 102].

Такие авторы, как Агутин А. В. и Агутина Н. В., пишут, что в России самыми страшными последствиями либеральных реформ стало: «семья не уважает школу, школа не уважает семью, чиновник не уважает церковь... Не только к этим последствиям приводила либеральная идеология. Она усматривала свой идеал в создании циничного и умеренности эгоистического общества, не помнящего своих культурных традиций и национальных корней» [2, с. 85]. Что тут можно сказать? Либералы убеждены, что общественные отношения должны регулироваться только экономическими законами и как они считают универсальной концепцией «прав человека». Понятия совести, души, преданности национальным истокам, да и уважение к старшим по возрасту, чуждо либеральному сознанию; эгоизм для них святость.

Самую главную опасность, на наш взгляд исходящую от либеральных ценностей не указывают авторы, а опасность это таится в «свободе», только свобода бывает разная. У либералов свобода нужна ни «для» чего либо, а **«ОТ»**, а конкретнее от любой групповой идентичности. Как это понимать?

Название философии либерализма происходит от понятия «свободы», «liberti». Все принципы этой западной идеологии основаны на этих же понятиях. В каждой идеологии, есть свой субъект истории, который ставится «во главу угла». У коммунистов это «класс», у фашистов « государство» [13, с. 30], у нацистов «антропологические признаки и превосходство одной расы над другой», а у либералов «индивидуум», который освобождается от всех форм коллективной идентичности - этнической, национальной, государственной, религиозной, кастовой и т.д. Соответственно, нужно четко видеть, что либералы «...разделяют « свободу от» (liberty- свобода), которую считают моральным императивом общественного развития, от «свободы для» (freedom)- нормативизации того, как и для чего эту свободу следует использовать: последнее оставляется на усмотрение самого субъекта истории (индивидуума)» [13, с. 46]. По нашему глубокому убеждению субъектом истории должно являться Государство, мощное, сильное, суверенное. Потому что, и это очень важно для понимания нашей позиции, что ***«государство, начиная с Платона, мыслится как прямая гомология онтологической структуры: оно отражает и выражает общую топикку представления о бытии. Государство мыслится как репрезентация и реконструкция бытия... Государство есть бытие человека, оно творится в ходе самотворения и самоутверждения человеком самого себя»*** [13, с. 67, 68]. Свою основную философскую идею в метафорической форме «государство - пещера», Платон выразил в работе под названием «Государство» [19].

Свое отношение к либеральной идеологии профессор А. Г. Дугин, выражает следующим образом: «...победившая в 90-е гг. XX в. в России и глобально, является наиболее концентрированным выражением того, что я ненавижу: индивидуализма, материализма, прагматизма, финансизма, «маленького человека», эпикурейства, атомизма, эволюционизма, техноцентризма, воспевания «технического прогресса», историцизма, нивелирующего эгалитаризма, секуляризма, евроцентризма и т.д. И я понял, что именно потому, что либерализм был наиболее чистой и кристальной концепцией зла, он и победил» [13, с. 78]. Говоря о свободе от любой групповой идентичности, уместно заметить, что «мужчина» и «женщина», это тоже групповая идентичность, соответственно в планах либеральных теоретиков освободить человека от пола. «В остальном же либералы идут довольно далеко, отрицая практически все традиционные социально- политические институты - вплоть до семьи или половой принадлежности... либералы выступают не только за свободу аборт, но и за свободу от половой принадлежности (поддерживая права гомосексуалистов, транссексуалов и т.д.)» [13, с. 89].

Россия и Европа, это совершенно две разных цивилизации, поэтому мы должны всячески противиться навязываемой парадигмы либерализма. Россия получала свой культурный архетип во-первых, из Византийской культуры, а во-вторых, из того, что связано с монголо-татарским игом и Империей Чингисхана, (картина художника В. М. Васнецова «Три богатыря» этому свидетельств, где следует обратить внимание на обувь «богатырей», кожаная обувь того времени, это обувь «степняков»). Что касается современной Европы, то она вобрала в себя культуру Римской империи. Соответственно – разные культуры, разные системы ценностей. Современная Европа в процессе навязывания России, своих культурных ценностей, ведет себя очень агрессивно. Она считает универсальными, такие ценности, как: «свободный рынок», «глобализация», и естественно «права человека». Либеральные ««Свобода от» есть самая отвратительная формула рабства, поскольку она искушает человека на

восстание против Бога, против традиционных ценностей, против нравственных и духовных устоев его народа и его культуры» [13, с. 100].

Итак, способна ли либеральная или марксистская идеология обеспечить национальную безопасность Российской Федерации? (хотя по нашему убеждению Россия должна быть унитарным государством, но это тема отдельного исследования). В монографии «Организационно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства», авторы указывают, что «Либерализм и марксизм являются атрибутами западной философской культуры. Во всяком случае, и та и другая не способны своим потенциалом обеспечивать национальную безопасность ресурсами уголовного судопроизводства» [1, с. 103]. Мы считаем, что на данный вопрос ответить однозначно нельзя, без рассмотрения его через призму политических идеологий. Например, с точки зрения национализма, ответ однозначен - «не способны!» Поскольку идеология национализма предусматривает идентификацию человека по культурному признаку (язык, территория проживания, соблюдения традиций, обычаев того народа к которому лицо относит себя и *предположение* происхождения от одних предков). Кстати, в отличие от нацистской идеологии, где человека идентифицируют по антропологическим признакам (цвет, волос, глаз, строение черепа, в основном нижней челюсти, а так же группы крови и др.) Поскольку, например идеология либерализма, предусматривает совершенной культурный архетип, то занесение его в культуру России и русского народа, может обеспечить «безопасность территории», но уже без понятия «национальная», без русского народа, проживающего на данной территории. Потому что, для того, чтобы уничтожить какой либо народ, не нужно стрелять и сбрасывать на него бомбы, это уже очень тривиально является уделом «не состоявшихся геополитиков». Для уничтожения народа, нужно уничтожить его культуру, и тогда народ исчезнет. Если же кто-то сторонник либеральных ценностей или является адептом марксистских «левых» теорий, то для них приемлемы «общечеловеческие ценности», которые не являются культурой отдельно взятого народа. Н. С. Трубецкой, считал, что приобщение к другой культуре происходит не сразу, а постепенно, и даже не заметно. Из поколения в поколение, где каждое поколение вырабатывает «свой канон синтеза элементов национальной и иноземной культуры... в народе, заимствовавшем чужую культуру... различие между «отцами и детьми» будет всегда сильнее, чем у народа с однородной национальной культурой» [26, с. 135, 237]. Переход к чужеродной культуре приводит к тому, что «Постепенно народ приучается презирать все свое, самобытное национальное... Патриотизм и национальная гордость в таком народе - удел лишь отдельных единиц, а национальное самоутверждение большей частью сводится к амбициям правителей и руководящих политических кругов» [27, с. 65].

Один из принципов в уголовном процессе, являющийся порождением либеральной идеологии, это принцип «презумпции невиновности». При СССР этот принцип представлялся, как один из принципов демократии судебной власти. В свое время один из адептов советской системы, правовед А. М. Ларин, указывал: «Демократический характер советской политической системы обуславливает многообразие связи правоохранительных органов со всеми слоями населения... граждане активно содействуют раскрытию и предупреждению преступлений, осуществляют демократический контроль за деятельностью правоохранительных органов...» [16, с. 4]. Для нас очевидно, что в тезисе, данном А. М. Лариным, содержится онтологическая ложь, хотя бы потому, что «Демократия - наиболее древняя, архаическая, примитивная и, если угодно, «варварская» форма политической организации. Древнейшие общества... были построены именно на демократическом принципе» [13, с. 101]. Ни в СССР, где господствовала марксистско-ленинская идеология, ни в современной России, где преобладает либеральная идеология, понятие «демократия» не имеет того смысла, который

пытаются в него заложить во множестве определений данного феномена, содержащихся во множестве юридической и политической литературы (даже примеры определений «демократии» приводить не будем, каждый сам может посмотреть). Для нас же демократия, т.е. ее определение, а именно свойство этого феномена, которое никогда не изменится, даже если изменятся обстоятельства (например, поменяется политический режим), всегда будет обозначать одно: **демократия - это лествица власти, народу (населению); симулякр, созданный для введения народа (населения) в заблуждение относительно того, что народ (население) якобы может иметь какую-то власть.** Поэтому очевидно, что «Функционирование в советской идеологии формально несовместимого с ней постулата о презумпции невинности является наглядной иллюстрацией совместимости советской и либеральной идеологии» [1, с. 105]. То, что в единении либеральной идеологии и «коммунистической» нет ничего странного, так как цель у них одна (способы достижения разные, именно на способах достижения целей в основном строилась вражда этих идеологий) превратить народ в «общетолерастов», «общечеловеков», без культуры, без национального самосознания. Например, «все россияне» - в либеральной идеологии или все «советские граждане» - в коммунистической (марксистской) идеологии. Национальность элиминируется, человек начинает терять свои традиционные корни и культуру.

В настоящее время мы имеем уголовно-процессуальное законодательство, которое основано на принципах либеральной идеологии.

Однако существующее уголовно-процессуальное законодательство, не в состоянии обеспечить достижение своих целей, возложенных на него **русским народом** и всеми **коренными** народами России. За остальные народы, населяющие Российскую Федерацию, мы отвечать не будем, ввиду критического состояния, кризисного положения русского народа, выражающегося в опасных симптомах. И в связи с этим не можем не процитировать высказывание профессора И. В. Дойникова: «Страна переживает кризис, она подошла к той точке, откуда может быть крутой путь вниз (и тогда территория, где существовала славяно-православная цивилизация, может быть заселена иными, более деятельными народами) либо произойдет всплеск патриотизма в новом качественном виде, тогда русская цивилизация вернется на мировую политическую арену» [11, с. 28].

То, что касается уголовно-процессуальной формы реализации обеспечения целей и задач судопроизводства, то для нас близка позиция евразийской теории права. Поскольку «Мы убеждены, что современному российскому обществу в правовом аспекте нужно национальное, традиционное, русское уголовно-процессуальное законодательство, базирующееся на традициях и обычаях русского народа, на его самобытности, уникальности и неповторимости его судьбы... Мы - русские больше тяготеем к Востоку, к стороне Азии, чем к Европе» [20, с. 68]. «Целью принятия либеральной идеологии являлось уничтожение России, через превращение ее граждан на определенном этапе в собственников, принявших в основу регулирования общественных отношений свободу договора, личной наживы и ставящей во главу угла целью своей жизни «гедонизм» [21, с. 67-68]. Поэтому нам близки и понятны слова Г. В. Ждановой, которая указывала, говоря о евразийской парадигме права: «Эта теория, исходит из существования отдельных культур... Она предполагает, что национальная культура должна развиваться исходя из собственных начал, не допуская сильного влияния со стороны другой цивилизации или по крайней мере творчески перерабатывая достижения чужой культур Эта теория означает отказ от европоцентристской идеи культурно исторического прогресса и исключает подмену одной культуры другой, предупреждает об опасности навязывания всему человечеству так называемых «общечеловеческих ценностей...» [14, с. 36-46].

Русский, философ и религиозный мыслитель Н. А. Бердяев, писал: «Евразийство есть, прежде всего, направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и

эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на происшедшую катастрофу» [5]. И очень правильно на наш взгляд, пишут об «эмоциональном» в аспекте уголовно-процессуальной сферы авторы монографии «Организационно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства», которые указывают: «В термин «эмоциональное в уголовной сфере» мы вкладываем духовно- нравственные основания уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи вопрос стоит... в способности отечественного уголовного судопроизводства воплощать в жизнь нравственные и духовные основы нашего народа» [1, с. 116].

И несколько далее Н. А. Бердяев, рассуждает о том, что евразийский путь развития - это путь в Империю, которая должна стать мощным щитом от покушения Запада, от навязывания им ложных ценностей для русского народа, он пишет: «Хотелось бы, прежде всего, отметить положительные стороны евразийства. Евразийцы – не вульгарные реставраторы... Евразийцы стихийно, эмоционально защищают достоинство России и русского народа против поругания, которому он предается ныне и русскими людьми, и людьми Запада...» [5, с. 125].

Такие авторы, как А. В. Агутин, Е. З. Трошкин, В. И. Паньшин, радикально уверены в том, что: «Европеизация отечественного уголовного процесса ставит нашу уголовно-процессуальную науку в крайне невыгодное положение. Ей приходится тратить свои усилия на согласования двух разнородных культур, вместо того, чтобы сосредоточить свои силы и согласование элементов однородной российской (евразийской) культуры» [1, с. 122-123]. Мы полагаем, что в этом контексте, нужно оговориться, если европейские мыслители поддерживают либеральную идеологию, «синекваном» (от лат. «Sine qua pone» - «непременное условие») которой являются «права и свободы», тогда мы полностью согласны с указанными авторами, нам в уголовно-процессуальном праве не нужна «идеология эгоизма». Действительно, в большинстве случаев западная мысль права основана на идеологии либерализма. Но если западные мыслители имеют тенденцию к традиционным культурным ценностям (*Карл Шмитт - юрист, философ и политический теоретик; Рене Генон - основатель интегрального традиционализма; Юлиус Эвола, являющийся ярким представителем интегрального традиционализма; Ален де Бенуа - автор книг «Против либерализма» [3] и «По ту сторону прав и свобод человека» [4], Эрнест Юнгер - теоретик консервативной революции; Артур Мёллер ван ден Брук - являлся переводчиком трудов Ф. М. Достоевского на немецкий язык, в своей деятельности призывал к союзу с Россией и критиковал западный либерализм и, конечно же, Мирча Элиаде, который считается американским, русским, румынским и французским философом, философом культуры, религиоведом, историком религий, этнографом и писателем. Элиаде стал известен миру в результате его исследований мифологии, а также «религиозного символизма», ритуалов, магии, шаманизма, древней техники экстаза, архаического сознания и способа мышления и мифов. Мы считаем, для русского человека не читать Элиаде - позором*), которые являются необходимым условием для русского народа, к работам таких ученых Запада нужно прислушиваться при построении русского традиционного мировоззрения, как бы некоторым это не казалось парадоксальным.

Литература

1. *Агутин А. В., Трошкин Е. З., Паньшин В. И. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 160 с.*
2. *Агутин А. В., Агутина Н. В. Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве. М., 2009. С. 85.*

3. *Ален де Бенуа*. Карл Шмитт сегодня / Перевод с французского. Институт Общегуманитарных Исследований, 2014. 192 с.
4. *Ален де Бенуа*. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. / Перевод с французского. Институт Общегуманитарных Исследований, 2015. 144 с.
5. *Бердяев Н. А.* Евразийцы // Евразийский вестник. Берлин, 1925. Кн. 4.
6. *Биоюшкина Н. И.* Охранительные отношения в российском государстве в период правления Александра III (март 1881-го – 1894 год). Н. Новгород, 2010. С. 21.
7. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью, 2002. 352 с.
8. *Волков Ю. К.* Философско-политические и философско-правовые интерпретации понятий преступление и наказание. Приволжский научный вестник, 2015. № 12-2 (52). С. 148.
9. *Герцен А. И.* Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1946. 314 с.
10. *Гриненко А. В.* Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях: автореф. дис. ... докт. юрид. наук, проф. заслуженный деятель науки Российской Федерации /под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки Российской Федерации О. А. Зайцева. М., 2012.
11. *Дойников И. В.* Актуальные проблемы предпринимательского (хозяйственного права): учеб. пособие. М., 2012. 208 с.
12. *Дугин А. Г.* Русская вещь. Очерки национальной философии: в 2 т. Т. 1. М.: Арктогея - центр, 2001. 624 с.
13. *Дугин А. Г.* Четвертый путь. Введение в Четвертую Политическую Теорию. М.: Академический проект, 2014. 683 с.
14. *Жданова Г. В.* Философия культуры евразийства (методологический аспект) // Вестник Московского ун-та. Серия 7. «Философия», 2004. № 6. С. 36-46.
15. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. М., 1999. 824 с.
16. *Ларин А. М.* Презумпция невиновности. М., 1982. 152 с.
17. *Миронова Т. Л.* Броня генетической памяти. М.: Алгоритм, 2014. 352 с.
18. *Новгородцев П. И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве / предис. А. П. Альбов. СПб., 2000. 248 с.
19. *Платон.* Государство / Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 752 с.
20. *Середнев В. А.* Полиграфные проверки в уголовном судопроизводстве: аргументы «против» // Юридическая наука и правоохранительная практика, 2015. № 4 (34). С. 227.
21. *Середнев В. А.* К вопросу понятия «правá» и «обязанности»: сравнительный анализ в либеральном западном и традиционном русском сознании (рассмотрение через систему уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности) // Отечественная юриспруденция. № 7 (9), 2016. С. 68. С. 67-68.
22. *Смагина Г. И.* Санкт-Петербургская Академия наук и просвещение в России XVIII века: образование и распространение знаний: дис. ... док. истор. наук. Санкт-Петербург, 2007.
23. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 470 с.
24. *Тарановский Ф. В.* История русского права. М., 2004. 272 с.
25. *Толстоуцкий В. Ю.* Гегелевская гносеология как основа понимания места следователя в системе досудебного производства по уголовному делу // Криминалистическое сопровождение расследования преступлений: проблемы пути их решения, 2016. С. 513-518.
26. *Трубецкой Н. С.* Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник, 1923. Кн. 3.
27. *Трубецкой Н. С.* Европа и человечество. София, 1920.
28. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1912. 592 с.

29. *Цветков Ю. А.* Каким быть российскому следователю или чем юрист отличается от законника? (реплика на реплику профессора О. Я. Баева) // Российский следователь, 2016. № 11. С. 26.
30. *Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классово-борьбы / Пер. с нем. Ю. Коринца под ред. Д. Кузницына. СПб.: Наука, 2005. 326 с.
31. *Шмитт К.* Политическая теология. М: Канон-Пресс-Ц, 2000. 336 с.
32. *Шмитт К.* Понятие политического / Пер. с нем. А. В. Филиппов. М.: Наука, 2016. 567 с.

Сущность и общая характеристика апелляционного производства по уголовным делам в Российской Федерации

Нурмухаметов Р. Н.

*Нурмухаметов Руслан Наилевич / Nurmuhametov Ruslan Nailevich – магистрант,
кафедра уголовного права и процесса,
Институт права
Башкирский государственный университет, г. Уфа*

Аннотация: в данной статье рассматривается сущность и дается общая характеристика апелляционного производства по уголовным делам в Российской Федерации.

Abstract: this article deals with the essence and the general characteristic of appeal in criminal cases in the Russian Federation.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, апелляционное производство по уголовным делам, виды апелляции, гуманизм.

Keywords: law of criminal procedure, appeal proceedings in criminal cases, the types of appeal, humanism.

Новый порядок апелляционного пересмотра судебных решений определен изменениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1], вступившими в силу 1 января 2013 года и распространившими возможность апелляционного пересмотра всех судебных решений, а не только решений, вынесенных мировыми судьями. Именно с распространением апелляционного производства на все виды решений ученые связывают устранение дублирования между апелляционной, кассационной и надзорной формами пересмотра. Теперь у каждой инстанции определен свой круг задач по проверке судебных решений, выявлению и исправлению в них ошибок.

Для понимания порядка апелляционного производства по уголовным делам в России, необходимо определить характеристики, раскрывающие его сущность. Исследование института обжалования, не вступившего в законную силу судебного решения, необходимо начинать с формулировки термина «апелляция».

Анализ и изучение научной литературы показывает, что нет единого мнения относительно значения изучаемого понятия. После проведенной Александром II Судебной реформы 1864 года, который в научных кругах именуется «золотым веком» для апелляции, существовали две позиции относительно данного понятия. Одни авторы определяли апелляцию, как просьбу уполномоченных лиц о проверке фактической и формальной стороны дела, с целью последующей отмены итогового решения по нему [4, с. 241]. Другого подхода придерживался И. Я. Фойницкий, который указывал, что «под апелляцией разумеется пересмотр высшею инстанцией

обжалованного ей неокончательного приговора низшего суда в его основаниях, как фактических, так и юридических, но в пределах поданной жалобы» [6, с. 533]. По мнению современных авторов, например, И. В. Головинской, В. Ю. Кирсанова «под апелляцией следует понимать установленный законом порядок, условия и последовательность принесения, приема и направления вместе с делом уполномоченными на то субъектами уголовного процесса апелляционных жалоб и представлений на судебные решения, не вступившие в законную силу, в суд апелляционной инстанции, который осуществляет проверку их законности, обоснованности и справедливости» [3, с. 28].

Мы считаем, что под «апелляцией» следует понимать, форму обжалования заинтересованными лицами не вступившего в законную силу судебного решения и пересмотра этого решения вышестоящей судебной инстанцией.

В юридической литературе принято выделять следующие типы апелляции по уголовным делам: полную или неполную (частичную); неограниченную или ограниченную; чистую или смешенную.

Полную апелляцию можно охарактеризовать тем, что проверка происходит путем повторного рассмотрения уголовного дела по существу судом вышестоящей инстанции. Сторонам предоставлена возможность предоставления новых доказательств, а также стороны вправе ссылаться на новые доказательства без каких-либо ограничений. Результатом такого пересмотра является вынесение судом, осуществляющим апелляционный пересмотр, нового приговора, который заменяет приговор суда первой инстанции. По мнению некоторых ученых, сущность полной апелляции заключается в том, что осуществляется не только проверка правильности решения суда первой инстанции, но и происходит разрешение дела на тех же началах, что и в первой инстанции [5, с. 54]. Такой тип апелляции закреплен в законодательстве Великобритании, Франции, Италии. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года, действовавший в Российской империи, предусматривал полную апелляцию.

Неполный тип апелляции по уголовным делам предусматривает запрет на предоставление новых доказательств, не исследованных судом первой инстанции, а также данный тип запрещает ссылаться на новые фактические обстоятельства, которые не были предметом рассмотрения.

Для того чтобы определить, к какому виду апелляции необходимо относить действующий в Российской Федерации порядок, следует выделить критерии, разграничивающие полную и неполную апелляции. В литературе можно встретить следующие:

1. наличие или отсутствие полномочий суда апелляционной инстанции выносить решения, разрешающие уголовное дело по существу;
2. объем предоставления новых доказательств в суд апелляционной инстанции, а также порядок их исследования;
3. наличие или отсутствие полномочия суда апелляционной инстанции вернуть уголовное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Действующий в Российской Федерации порядок апелляционного производства по уголовным делам имеет признаки как полного вида апелляции (право суда апелляционной инстанции вынести приговор, возможность исследования доказательств, в том числе и новых), так и неполного вида (имеется полномочие возвращения уголовного дела в суд первой инстанции на новое судебное разбирательство либо возвращение уголовного дела прокурору, а также право рассмотреть апелляционные жалобы, представление без проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции). Вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что российская апелляция имеет смешенный характер.

Действующая в УПК РФ формулировка предмета апелляционного обжалования, по мнению Л. А. Воскобитовой, указывает на то, что апелляционная инстанция не

является судом, который рассматривает дело по существу, она является вышестоящей и проверяющей инстанцией [2, с. 1619]. Главная задача апелляционной инстанции – судебный контроль правосудности решений нижестоящего суда. Эта природа не изменяется и после того, как отменяется приговор первой инстанции и выносится новый приговор.

Существует и другая точка зрения, которая тоже имеет сторонников. Они считают, что при формулировании положений статьи 389.9 УПК РФ законодатель не учитывал возможность с течением времени изменения обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Нам ближе вторая точка зрения. Мы считаем, что развитие уголовно-процессуального законодательства должно идти в данном направлении. Однако первая точка зрения ближе к действующему в настоящее время законодательству.

Необходимо также обратить внимание на то, что идея полной апелляции имеет важную ценность с точки зрения гуманности. Апелляционное производство является не просто проверкой законности, обоснованности и справедливости приговора или какого-либо другого решения суда первой инстанции, но и позволяет приговоренному «второй шанс». Такой шанс дает возможность того, что более компетентный суд по новому и независимо от предыдущего суда взглянет на предъявленное ему обвинение. Модель неполной апелляции, такую гуманистическую идею отвергает.

В связи с вышеизложенным считаем возможным закрепить в УПК РФ институт полной апелляции в отношении лиц, признанных виновными в совершении особо тяжких преступлений. Такой пересмотр позволит суду апелляционной инстанции, не основываясь на решении суда первой инстанции, вынести собственное решение, которое может предусматривать и более суровое наказание, чем назначено приговором суда первой инстанции. В таком случае право выбора вида апелляции, по которому будет проходить пересмотр дела, будет у стороны защиты.

Таким образом, считаем необходимым сформулировать следующие выводы:

1. Под «апелляцией» следует понимать, форму обжалования заинтересованными лицами не вступившего в законную силу судебного решения и пересмотра этого решения вышестоящей судебной инстанцией.

2. В настоящее время в Российской Федерации действует порядок апелляционного производства по уголовным делам, сочетающий признаки как полного вида апелляции, так и неполного вида, то есть российская апелляция имеет смешанный характер.

3. Необходимо обратить внимание на то, что идея полной апелляции имеет важную ценность с точки зрения гуманности. В связи с вышеизложенным считаем возможным закрепить в УПК РФ институт полной апелляции в отношении лиц, признанных виновными в совершении особо тяжких преступлений. Этим категориям лиц возможно также предоставление права требовать пересмотра уголовных дел в вышестоящих судах с использованием правил производства в суде первой инстанции. В таком случае право выбора вида апелляции, по которому будет проходить пересмотр дела, будет у стороны защиты.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 22 ноября 2016 г. № 392-ФЗ) // *Собрание законодательства Российской Федерации*, 2001. № 52. Ст. 4921.
2. *Воскобитова Л. А.* Конституционные основы апелляции в уголовном судопроизводстве // *Актуальные проблемы российского права*, 2013. № 12 (37). С. 1619-1624.
3. *Головинская И. В., Кирсанов В. Ю.* Апелляция как вид пересмотра судебных решений: науч. изд. Владимир, 2007. С. 27–28.

4. *Духовский М. В.* Русский уголовный процесс. М., 1910. 448 с.
5. *Терехова Л. А.* Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М., 2010. 320 с.
6. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. Спб., 1912. Т. 1. 579 с.

Законность как основополагающий принцип уголовного судопроизводства

Абдурахманов К. А.

*Абдурахманов Казбек Ахмедович / Abdurahmanov Kazbek Akhmedovich – магистр,
кафедра уголовного процесса
Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов*

Аннотация: в статье автором раскрывается понятие законности как основополагающего принципа уголовного судопроизводства. Рассматриваются материально-правовые аспекты права в современном мире. Также излагаются подходы к определению содержания данного принципа. Действие принципа законности в уголовном судопроизводстве отличается от иных видов судебного процесса, что обуславливает необходимость изучения проблематики места принципа законности в уголовном судопроизводстве, а также его степени выраженности, конкретизации, реализации и распространения в судебном процессе.

Abstract: in this article the author reveals the concept of the rule of law as a fundamental principle of criminal justice. We consider the substantive aspects of the law in the modern world. Also outlines approaches to the determination of the content of this principle. The principle of legality in criminal proceedings differs from other types of litigation, resulting in the need to explore issues place the principle of legality in criminal proceedings, as well as its severity, specification, implementation and dissemination in the trial.

Ключевые слова: законность, принципы уголовного судопроизводства, уголовный процесс.

Keywords: rule of law, principles of criminal procedure, criminal procedure.

Принцип законности является общеправовым принципом, означающим неуклонное соблюдение Конституции РФ и законов всеми органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами и гражданами (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ). В Уголовно-процессуальном кодексе ему посвящена статья 7.

Как основополагающее начало, законность является фундаментом всех принципов уголовного процесса, сосредоточенных в главе 2 УПК РФ.

Принцип законности немислим без собственно процессуальных принципов, которые, обеспечивают реализацию законности в уголовном процессе. В случае наличия противоречий в установлениях актов, следует руководствоваться законом более высокого юридического значения (ч. 2 ст. 120 Конституции РФ, ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»), принимать решение в соответствии с правовыми положениями, имеющими наибольшую юридическую силу. Верховенство закона означает, что в практике работы правоохранительных органов должны неотступно соблюдаться все нормы института уголовного преследования, реализация их должна осуществляться только на основе закона, в рамках закона и во имя закона [1].

Принцип законности обязывает суд, прокурора, следователя, дознавателя, неукоснительно следовать предписаниям уголовно-процессуальных норм и запрещает

им отступать от предусмотренных УПК РФ положений, устанавливая правило о признании недопустимыми всех доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ.

Принцип законности предполагает также соблюдение в уголовном судопроизводстве общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ, которые являются составной частью права, регулирующего уголовное судопроизводство, и имеют приоритет перед нормами УПК РФ, в случае если нормы УПК противоречат международным нормам.

В содержание рассматриваемого принципа включается требование законности, обоснованности и мотивированности определений суда, постановлений судьи, прокурора, следователя и дознавателя. Это требование означает, что вышеперечисленные решения должны содержать обоснование изложенных в них выводов ссылками на доказательства, собранные в порядке, предусмотренном законом, и фактические обстоятельства уголовного дела, установленные на основе этих доказательств. Мотивировка решения позволяет проверить его обоснованность, исключает вынесение решений, не основанных на доказательствах, и тем самым обеспечивает их законность. Особенностью современного понимания содержания принципа законности и его реализации судьями в уголовном судопроизводстве, применительно к установленному Конституцией РФ положению о подчинении судей только основному закону страны и федеральным законам, является предоставление суду права оценивать соответствие законодательного или иного нормативного акта Конституции РФ.

Соблюдение закона в процессуальной деятельности является обязанностью не только субъектов уголовного процесса, ведущих производство по делу (дознаватель, следователь, суд), но и всех остальных участников уголовного судопроизводства. В ч. 2 ст. 1 УПК РФ записано, что порядок уголовного судопроизводства, установленный данным Кодексом, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства.

Требования законности при производстве по уголовным делам распространяются на действия, решения и процессуальные документы, отражающие ход производства по уголовному делу. Нарушение порядка собирания, проверки, оценки доказательств влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств (ст. 75 УПК РФ). Ошибки при проведении процессуальных действий, не связанных с собиранием и исследованием доказательств, ведут к признанию таких действий незаконными, и они не порождают юридических последствий.

Итак, принцип законности охватывает собой все начала уголовного судопроизводства, является общим по отношению ко всем остальным принципам уголовного процесса, которые представляют собой различные выражения принципа законности. Поэтому законность можно назвать принципом принципов уголовного процесса, а все остальные принципы — принципами реализации законности в уголовном судопроизводстве [2].

Литература

1. Конституция Российской Федерации (с изм. от 14.10.2005) // РГ от 25.12.1993. № 237. СЗ РФ от 17.10.2005. № 42. Ст. 4212.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2015).
3. Теория государства и права. Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Курс лекций. М. Юристъ. 2002 г. С. 555.
4. *Кудрявцев В. Н.* Законность: содержание и современное состояние/ Законность в Российской Федерации. М.: Спарк, 1998. С. 4.

Деятельность по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, как самостоятельная стадия уголовного процесса Российской Федерации

Тарасов А. И.

*Тарасов Алексей Игоревич / Tarasov Aleksei Igorevich – студент,
юридический факультет,*

Крымский юридический институт (филиал)

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Симферополь

Аннотация: в данной статье анализируется деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением, раскрывается ее правовая природа. Сравниваются различные стадии уголовного процесса с деятельностью прокурора в порядке гл. 31 УПК РФ. Обосновывается необходимость введения самостоятельной третьей стадии досудебного производства под названием «деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением». Также рассмотрены исторические факты становления деятельности прокурора по уголовному делу.

Abstract: this article examines the activities of the Prosecutor on criminal case received with indictment, reveals its legal nature. Compares the different stages of the criminal process by the prosecution in the order of Chapter 31 of the code of criminal procedure. Necessity of introduction of an independent third pre-trial stage called "the activity of Prosecutor on criminal case received with the indictment". Also considered the historical facts of the formation activities of the Prosecutor in a criminal case.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальный срок, стадии, предварительное расследование, прокурор.

Keywords: criminal trial, criminal procedure, term, stage, preliminary investigation, Prosecutor.

Реформирование уголовного судопроизводства на современном этапе имеет целью создание целостной системы, позволяющей участникам уголовного процесса в полном объеме реализовать свои права и в то же время сократить сроки расследования уголовных дел. Дискуссионным вопросом является определение момента окончания стадии предварительного расследования. А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский указывают, что стадия предварительного расследования начинается с момента возбуждения уголовного дела и заканчивается утверждением прокурором решения следователя или дознавателя о передаче дела в суд или прекращением уголовного дела или уголовного преследования. По их мнению, основанием для такого вывода может служить включение гл. 31 УПК РФ («Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением») в состав разд. VIII Кодекса («предварительное расследование») [8, с. 342]. Однако с подобной позицией трудно согласиться. По нашему мнению, это вызвано скорее проблемами законодательной техники, т. к. гл. 31 УПК РФ состоит из двух статей, что не позволяет сформировать из них отдельный раздел. Например, в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. регулированию процесса возбуждения уголовного дела отводилось лишь несколько статей. На органы дознания, следователя, прокурора возлагалась обязанность рассмотреть сообщение о преступлении и без проведения

каких бы то ни было проверочных действий принять решение о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела. После введения УПК РСФСР 1960 г. деятельность по разрешению заявлений и сообщений о преступлениях и порядку возбуждения уголовного дела была сформулирована в гл. 8. Дальнейшее развитие стадия возбуждения уголовного дела получила с принятием УПК РФ, в котором данная деятельность занимала целый раздел, включающий в себя две главы [4, с. 43].

Все это позволяет предположить, что в дальнейшем указанная деятельность прокурора будет совершенствоваться, а число статей, регламентирующих данный вид деятельности, увеличиваться.

В соответствии с ч. 2 ст. 162 УПК РФ в срок предварительного следствия включается время со дня возбуждения уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением или постановлением о передаче уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера либо до дня вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу. Досудебное производство — это уголовное судопроизводство с момента получения сообщения о преступлении до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу (п. 9 ст. 5 УПК РФ). Таким образом, срок принятия прокурором решения по поступившему к нему уголовному делу в срок предварительного следствия не входит. УПК РФ делит уголовное судопроизводство на стадии посредством различных средств правового регулирования, основным из которых являются процессуальные сроки, из чего можно сделать вывод, что стадия предварительного расследования заканчивается направлением прокурору уголовного дела с обвинительным заключением, а досудебное производство — направлением прокурором уголовного дела в суд, поэтому деятельность прокурора находится за рамками стадии предварительного расследования.

Таким образом, деятельность прокурора по поступившему к нему уголовному делу с обвинительным заключением имеет все свойства присущие самостоятельной стадии уголовного судопроизводства. В связи с этим можно сделать вывод, что принятие прокурором решения по поступившему к нему с обвинительным заключением уголовному делу — это самостоятельная стадия уголовного судопроизводства, следующая за стадией предварительного расследования, на которой прокурор проверяет законность и обоснованность совершения процессуальных действий и принятия решений уполномоченными на то лицами в целях защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а равно защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод, и в результате утверждает обвинительное заключение или выносит постановление о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия.

Литература

1. *Бессонов А. А.* Некоторые пробелы действующего уголовно-процессуального законодательства, препятствующие эффективному предварительному расследованию // Российский следователь, 2008. № 16. С. 13-17.
2. *Буглаева Е. А.* Участие прокурора в ходе предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск: Изд-во ЮУГУ, 2011. 23 с.
3. *Ксендзов Ю. Ю.* Задержание и заключение под стражу подозреваемого: автореф. дис. канд. юрид. наук. СПб.: Изд-во СПбУ, 2010. 26 с. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 3 (55), 2012.
4. *Маслов И. В.* Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам: дис... канд. юрид. наук. М., 2003. 175 с.
5. *Мешков М.* Исчисление процессуальных сроков // Законность, 1998. № 1. С. 33-35.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Защита прокурором права граждан на обращение в сфере исполнения уголовных наказаний

Беляков П. А.

*Беляков Павел Анатольевич / Belyakov Pavel Anatolyevich - соискатель,
кафедра основ прокурорской деятельности,
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Москва*

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы деятельности российской прокуратуры, связанной с защитой прокурором права граждан на обращение в рамках реализации надзорных полномочий в сфере исполнения уголовных наказаний. Анализируется правовая основа деятельности прокурора, приводятся примеры эффективной работы прокуроров по защите права осужденных на обращение в органы публичной власти, даны рекомендации по работе с их обращениями. Вносятся предложения по совершенствованию прокурорской деятельности и действующего федерального законодательства.

Abstract: the article discusses the activities of the Russian Prosecutor's office related to the protection of attorney-the right of citizens to appeal to the framework of Supervisory powers in the sphere of execution of criminal sanctions. Examines the legal basis of activities of the Prosecutor are examples of effective work of prosecutors on the protection of the rights of convicted persons to appeal to the public authorities, recommendations for the handling of their cases. Makes suggestions to improve the activities of public prosecutors and Federal legislature.

Ключевые слова: деятельность прокурора, право граждан на обращение, исполнение уголовных наказаний.

Keywords: activities of the Prosecutor, the right of citizens to appeal, the execution of criminal penalties.

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 01.12.2016 Президент РФ отметил, что любая несправедливость и неправда воспринимаются очень остро. Это вообще особенность нашей культуры. Общество решительно отторгает спесь, хамство, высокомерие и эгоизм, от кого бы всё это ни исходило, и всё больше ценит такие качества, как ответственность, высокая нравственность, забота об общественных интересах, готовность слышать других и уважать их мнение [1].

Применительно к соблюдению прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу исполнения уголовных наказаний, эта формула является ценностным ориентиром в деятельности органов прокуратуры по надзору за исполнением законов администрациями пенитенциарных учреждений.

В силу требований главы 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу выделен в отдельное самостоятельное направление прокурорской деятельности. Работа прокуроров с обращениями граждан имеет ряд особенностей и требует от них высокого профессионализма.

По мнению Е. А. Бурковой прокурорский надзор является в данном случае одной из важнейших правовых гарантий прав и законных интересов лиц, отбывающих уголовное наказание [2].

Правовую основу этой прокурорской деятельности также составляют Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», другие федеральные законы [3], нормы международного права [4], организационно-распорядительные документы Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Поскольку Инструкция о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации [5] не учитывает всех особенностей рассмотрения обращений, в том числе о нарушениях прав осужденных в период нахождения в учреждениях уголовно-исполнительной системы, Генеральной прокуратурой РФ был разработан методические рекомендации по ознакомлению осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, с материалами о результатах проверки органами прокуратуры обращений о нарушении их прав в период нахождения в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФСИН [6]. Аналогичные разъяснения о порядке рассмотрения обращений граждан, поступившие в органы прокуратуры без подписи заявителей [7], о порядке рассмотрения обращений депутатов [8] поступают в органы прокуратуры. С учетом накопившегося опыта и особенностей рассмотрения обращений граждан назрела необходимость полной переработки основного приказа Генерального прокурора РФ от 30.01.2013 № 45 по вопросам рассмотрения обращений граждан.

В силу ст. 14 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» государственные органы, в том числе органы прокуратуры, анализируют содержание поступающих обращений, принимают меры по своевременному выявлению и устранению причин нарушения прав, свобод и интересов граждан.

За 6 месяцев 2016 года в Российской Федерации по вопросам надзора за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний прокурорами разрешено 23 584 обращения (АППГ-25 095), из которых 1 517 удовлетворено (АППГ-1 451) [9].

Осуществляя надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначенные судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу прокуроры в соответствии с действующим законодательством, нормативными документами Генеральной прокуратуры Российской Федерации, и, прежде всего, - приказом Генерального прокурора РФ от 16.01.2014 № 6 «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [10] обязаны работу с обращениями подозреваемых, обвиняемых, осужденных, а также иных граждан подчинить задачам охраны их прав и законных интересов, укрепления законности при содержании под стражей и исполнении уголовных наказаний.

В сфере организации надзора за исполнением уголовных наказаний прокуроры обязаны не реже одного раза в полугодие анализировать работу по рассмотрению и разрешению обращений граждан, выводы обобщений использовать для совершенствования надзорной деятельности, а также при планировании своей работы на соответствующие периоды.

Так, на основе анализа состояния законности, в том числе обобщения разрешенных обращений граждан, в план работы Генеральной прокуратуры Российской Федерации на первое полугодие 2017 года включена проверка с участием прокуроров субъектов Российской Федерации соблюдения администрациями исправительных учреждений

уголовно-исполнительного и трудового законодательства. Аналогичную работу проводят прокуроры субъектов Российской Федерации.

При рассмотрении обращений важно решительно изживать проявления бюрократизма и волокиты. С учетом требований национального законодательства, а также международных стандартов практики Европейского суда по правам человека по каждому обращению подозреваемых, обвиняемых, осужденных, в том числе поступивших из указанного суда, проводить тщательную всестороннюю проверку, а в случаях необходимости – с участием заявителя, предоставив ему возможность знакомиться и комментировать информацию на изложенные в обращении доводы, данную лицами, чьи действия (бездействие) им обжалуются. По результатам рассмотрения обращений подозреваемых, обвиняемых и осужденных принимать основанное на законе решение.

В Генеральной прокуратуре Российской Федерации в 2015 г. проанализированы обращения граждан Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека, поступившие в 2014 г. в управление по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генеральной прокуратуры Российской Федерации, а также постановления Суда о нарушении положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с ненадлежащими условиями содержания в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации.

Анализ собранных материалов показал, что в течение года в управлении по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний рассмотрено 68 жалоб (в 2013 г. - 65), направленных осужденными и их родственниками в Европейский Суд по правам человека. Помимо этого, поступило 19 (в 2013 г. - 19) решений суда, констатирующих нарушения властями Российской Федерации требований положений статей 3 и 5 Конвенции и обязывающих её выплатить денежные компенсации за нарушение прав и законных интересов граждан в сумме более 227 тыс. евро (в 2013 г. – 220 тыс. евро) [11].

Полагаем, что работу по надзору за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих в Российской Федерации регулирующих право граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления необходимо строить с учетом максимального обеспечения профилактической направленности этой деятельности.

При планировании, организации и проведении проверок исполнения федерального законодательства в поднадзорных органах учитывать результаты анализа практики рассмотрения обращений, акцентировать внимание на вопросах соблюдения требований законодательства о порядке рассмотрения обращений, изучать наличие и соответствие законодательству ведомственных нормативных правовых актов в этой сфере.

Органы прокуратуры в 2016 году уделяли особе внимание обеспечению должного правопорядка в пенитенциарных учреждениях, а также защите конституционных прав граждан в местах принудительного содержания. В этих целях прокурорами проведено за 10 месяцев 39 884 (2015 г.-49 173) проверок соблюдения законов или на 5,6% больше, выявлено 152 415 (2015 г.-173 359) нарушений законов или на 9,9% больше, внесено 20 808 (2015 г.- 23 526) представлений об устранении нарушений законов или на 9,2% больше, по представлениям прокуроров к дисциплинарной ответственности привлечено 29 023 (2015 г.-32 933) должностных лиц или на 14,7% больше [12].

Прокурорская практика показывает, что защита прокурором права граждан на обращение нуждается в совершенствовании, а деятельность прокуратуры при рассмотрении обращений граждан свидетельствует о необходимости выделения этого направления в качестве приоритетного. Позитивная роль прокуроров при рассмотрении обращений граждан, по нашему мнению, требует внесения изменений в федеральное законодательство с закреплением роли и полномочий органов прокуратуры: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ и другие.

При осуществлении надзора не подменять иные государственные органы. При наличии оснований своевременно направлять в соответствующие органы на рассмотрение обращения по вопросам, относящимся к их компетенции.

Вопросы деятельности прокуратуры и прокуроров в этой сфере правовых отношений целесообразно регулярно выносить на заседания оперативных совещаний коллегий, делать достоянием средств массовой информации.

Прокуроры должны обеспечить исполнение мероприятий, определенных в решении коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 16.12.2014 «О практике рассмотрения и разрешения обращений в органах прокуратуры Российской Федерации, а также о состоянии законности при рассмотрении обращений граждан органами государственной власти Российской Федерации», в части как осуществления проверок исполнения государственными органами и органами местного самоуправления, их должностными лицами законодательства, регламентирующего права граждан на обращение, так и использования в полном объеме предоставленных прокурорам полномочий по восстановлению прав и законных интересов граждан, добиваться реального устранения нарушений закона и привлечения к ответственности лиц, их допустивших.

Литература

1. *Путин В. В.* Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. // Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379/> (дата обращения: 16.12.2016).
2. *Буркова Е. А.* Актуальность прокурорского надзора в сфере исполнения наказаний // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление, 2014. № 6. С. 18-23.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 22.11.2016). Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. № 25, ст. 2954; Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 22.11.2016). Собрание законодательства РФ, 24.12.2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) Собрание законодательства РФ, 08.01.2001. № 2. Ст. 163.
5. Приказ Генпрокуратуры России от 30.01.2013 № 45 (ред. от 08.09.2016) «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // Законность. № 4, 2013.
6. Письмо Генеральной прокуратуры РФ от 28.05.2015 № 17-14-2015 вместе с Методическими рекомендациями по ознакомлению осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, с материалами о результатах проверки органами прокуратуры обращений о нарушении их прав в период нахождения в учреждениях уголовно-исполнительной системы федеральной службы исполнения наказаний.
7. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 12.08.2016 № 25-6-2016 «О порядке рассмотрения в органах прокуратуры обращений граждан».
8. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 14.11.2016 № 25-06-2016 «О порядке рассмотрения в органах прокуратуры обращений, поступивших от членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации».
9. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 6 месяцев 2016 г.// Официальный сайт

- Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 16.12.2016).
10. Приказ Генпрокуратуры России от 16.01.2014 № 6 «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Законность. №4, 2014.
 11. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 15.03.2015 № 17-14-15 «О результатах обобщения обращений граждан в Европейский Суд по правам человека и принятых по ним решений».
 12. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 10 месяцев 2016 г.// Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 16.12.2016).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Совершенствование законодательства в сфере микрофинансирования

Плещева М. В.¹, Плюхина М. А.²

¹Плещева Марина Викторовна / Pleshcheva Marina Viktorovna - кандидат юридических наук, доцент;

²Плюхина Мария Алексеевна / Plyukhina Mariya Alekseyevna - магистрант, кафедра налогового, банковского и бюджетного права, юридический факультет, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов

Аннотация: в представленной статье рассматривается законодательство Российской Федерации о микрофинансовых организациях и микрофинансовой деятельности в целом, а также анализируются последние изменения законодательства в сфере микрофинансов. Определены новшества законодательства о микрозаймах и их направленность. На основании этого выявляются пробелы, существующие на сегодняшний день в законодательстве о микрофинансовой деятельности. К тому же предлагаются дальнейшие варианты совершенствования законодательства о микрофинансовых организациях и предлагаются меры, призванные упорядочить рынок микрофинансирования.

Abstract: in the present article, the legislation of the Russian Federation on microfinance institutions and microfinance in General, and examines recent changes in the legislation in the sphere of microfinance. Identified innovations of the law on microloans and their orientation. Based on this, identifies gaps currently existing in the legislation on microfinance activities. Besides offers, further options for improvement of the legislation on microfinance institutions and measures designed to organize the microfinance market.

Ключевые слова: микрофинансирование, микрофинансовая организация, микрофинансовая деятельность, микрозайм.

Keywords: microfinance, MFI, microfinance, microloan.

2 июля 2010 года был принят Федеральный закон № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» [1], который впервые урегулировал деятельность микрофинансовых организаций (далее – МФО) в Российской Федерации. Данный нормативный акт устанавливает правовые основы микрофинансовой деятельности, порядок приобретения статуса и осуществления деятельности микрофинансовых организаций, устанавливает размер, порядок и условия предоставления микрозаймов и др.

С момента принятия закона в него неоднократно вносились изменения, что говорит о его первоначальном несовершенстве. Со стороны государства в последнее время предпринимаются меры по устранению возникших проблем, призванные упорядочить рынок микрофинансирования.

Так, изменяется порядок использования наименования «микрофинансовая организация». Ни одно юридическое лицо в Российской Федерации, за исключением включенных в государственный реестр МФО и создаваемых для осуществления микрофинансовой деятельности и приобретения статуса МФО, не может использовать в своем наименовании словосочетание «микрофинансовая организация».

Также для МФО устанавливается дополнительная обязанность перед клиентами: проинформировать лицо, подавшее заявку в МФО на предоставление микрозайма, до

получения им микрозайма о том, что данная МФО включена в государственный реестр МФО, и по его требованию предоставить копию документа, подтверждающего внесение сведений о юридическом лице в реестр.

Центральному Банку РФ предоставлено все больше возможностей для контроля за микрофинансовыми организациями. Немаловажным моментом является то, что за ним закрепляется право осуществлять контроль за соблюдением экономических нормативов достаточности собственных средств и ликвидности МФО, а также право устанавливать для МФО порядок формирования резервов на возможные потери по займам. Кроме того, Центральный Банк РФ сможет запрещать излишне рискованным МФО привлекать средства граждан и бесконтрольно для регулятора покидать рынок. Сейчас это наиболее актуально, так как микрофинансовые организации все больше работают с привлеченными средствами граждан, в связи с затруднением привлечений кредитных средств.

Предприняты также шаги в области ответственности. В целом меры административной ответственности существенно ужесточились, срок давности привлечения к ответственности увеличился до 2-х лет.

Новшеством в законодательстве стали отдельные положения, направленные на защиту прав МФО от недобросовестных клиентов. Так, ст. 14.11 КоАП РФ [2] «Незаконное получение кредита» дополняется словами «и займа». Это означает, что получение кредита или займа либо льготных условий кредитования путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о своем хозяйственном положении, либо финансовом состоянии влечет наложение административного штрафа [5, с. 17].

Новые нормы закона направлены на предотвращение самоликвидации МФО, имеющими неисполненные обязательства перед гражданами. Для того, чтобы исключить организацию из реестра МФО, компания должна вместе с заявлением об исключении сведений о микрофинансовой организации из государственного реестра представить в Банк России документы, содержащие отчет о микрофинансовой деятельности и подтверждающие отсутствие у этой микрофинансовой организации обязательств по договорам займа перед физическими лицами, не являющимися ее учредителями (членами, участниками, акционерами).

К одним из значимых изменений в области микрофинансирования следует отнести обязанность всех микрофинансовых организаций к началу 2016 года вступить в одну из саморегулируемых организаций, действующих на рынке. В 2015 году был принят Федеральный Закон «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» [3]. Процедура вступления в саморегулируемую организацию предполагает проверку компании контрольным комитетом СРО. Регулирование финансовых СРО будет осуществляться Центральным Банком.

Несомненно, предложенные выше меры и предпринятые шаги в области регулирования микрофинансового рынка должны применяться в разумных пределах. Ведь чрезмерное регулирование может дать негативный эффект: вместо упорядочивания рынка подавлять его. Основной целью регулирования должно стать обеспечение стабильного развития нового вида финансового бизнеса в целях формирования добавленной стоимости в экономике России.

Однако, несмотря на то, что в закон неоднократно вносились изменения, он все еще далек от совершенства. Исходя из имеющихся проблем в сфере микрофинансирования, предлагаем возможные на наш взгляд пути их решения.

Во-первых, необходима доработка норм законодательства, регулирующих микрофинансовую деятельность, а также усиление государственно-правового контроля за деятельностью микрофинансовых организаций. Необходимо дать четкое определение микрофинансовой деятельности и определить круг лиц, которые могут осуществлять эту деятельность. Причем этот перечень должен быть исчерпывающим.

Во-вторых, необходимо разработать отдельную законодательную базу для некоммерческих и коммерческих МФО. Это обусловлено тем, что некоммерческие микрофинансовые организации, в большинстве своем, являются организациями

инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, которые созданы с целью развития микрофинансирования субъектов малого и среднего предпринимательства и не преследуют в качестве цели своей деятельности извлечение прибыли, а коммерческие МФО созданы для получения максимальной выгоды для себя.

В-третьих, должен быть решен вопрос о доработке норм законодательства в части регулирования на государственном уровне процентных ставок (либо установление максимальных, либо привязанных в определенной пропорции к ставке рефинансирования). Но при этом нужно решить вопрос с финансированием самих МФО. Проблему могут решить изменения в законодательстве, разрешающие МФО привлекать вклады, что сформирует принципиальные изменения в принципах и характере деятельности этого финансового института.

Также необходимо разграничение надзорных полномочий Банка России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации при осуществлении надзора за исполнением микрофинансовыми организациями действующего законодательства с целью исключения практики их дублирования.

Следующим шагом должно стать увеличение охвата населения микрофинансовыми услугами, путем повышения информированности о микрофинансовых институтах и их социальной направленности. Стоит отметить, что некоторые продвижения в этом направлении есть. Так Центральный Банк и другие участники финансового рынка пытаются повысить финансовую грамотность граждан: открываются горячие линии, на которые можно обратиться с вопросом или жалобой на действия микрофинансовых организаций, издаются просветительские печатные материалы и т.д.

Кроме того, настала необходимость закрепить в законодательстве понятие «ростовщический процент». Это должно быть ограничение процентов по кредитам и займам проявляющееся в установлении максимально допустимого размера ставки. Превышение это размера должно быть чревато налоговыми выплатами либо запретом на кредитование по ставкам, которые превышают максимально установленный размер. Например, максимально допустимый размер ставок может быть привязан к ставке рефинансирования Банка России [4, с. 75].

Такие ограничения ссудного процента позволят сделать кредит и займы более доступными и необременительными для различных социальных групп населения страны, подстегнув тем самым его покупательский спрос, а также, положительно сказаться на благосостоянии граждан страны и перспективах развития экономики. Также данная мера способна увеличить конкуренцию микрофинансовых организаций, подтолкнуть их к снижению ставок и предоставлению более качественного продукта на рынке.

Литература

1. Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 02.07.2010 г. № 151-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ, 2010. № 27. Ст. 3435; 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4225.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // СЗ РФ, 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. Российская газета, 2016. № 266.
3. Федеральный закон «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» от 13.07.2015 № 223-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ, 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4349, 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4225.
4. *Вавулин Д. А., Федотов В. Н.* Комментарий к Федеральному закону «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 02.07.2010. № 151-ФЗ / Д. А. Вавулин, В. Н. Федотов. М.: Юстицинформ, 2013. 194 с.
5. *Горелова Л. В., Оболенская Ю. А.* Анализ деятельности микрофинансовых организаций в Российской Федерации / Л. В. Горелова, Ю. А. Оболенская // Вестник Екатеринбургского института, 2015. № 1 (29). С. 13-22.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Критика концепции «единого правоотношения» при рассмотрении групповых исков в арбитражном процессе РФ

Кубатова С. Н.

Кубатова Светлана Николаевна / Kubatova Svetlana Nikolaevna – магистрант,
кафедра гражданского права и процесса,

Юридическая школа,

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

Аннотация: с появлением в Арбитражном процессуальном кодексе РФ главы 28.2, регулирующей процессуальные особенности рассмотрения дел о защите прав и законных интересов группы лиц, законодательно закрепились первая попытка законодателя развить институт «групповых исков» по опыту судебной системы стран англо-саксонской правовой системы (в частности, Великобритании и США). Однако данный институт был плохо воспринят как в научном сообществе, так и в правоприменительной практике, что объясняется несовершенством юридической техники и отсутствием единого понимания отдельных категорий, составляющих сущность института «группового иска», и не позволяющая участникам спорного правоотношения реализовать свое право на судебную защиту посредством подачи иска о защите прав и законных интересов группы лиц. В частности, данная статья посвящена критике такой категории, образующей институт «группового иска» как «единое правоотношение» и обосновывается необходимость обращения к правоприменительному опыту США.

Abstract: with the advent of the Arbitration procedural code of the Russian Federation Chapter 28.2 governing the procedural peculiarities of consideration of cases on protection of rights and legitimate interests of individuals, the law has fixed the first attempt of the legislator to develop the institution of "class action" experience of the judicial system of the Anglo-Saxon legal system (in particular, the UK and the USA). However, this institution was badly received both in scientific community and in law enforcement practice, because of imperfection of legal technique and the lack of a unified understanding of the individual categories that make up the essence of the institution of "class action", and not allowing the parties contentious relationship to exercise their right to judicial protection by filing a lawsuit to protect the legitimate rights and interests of the group. In particular, this article focuses on the criticism of such a category, which is the institution of "class action" as "a single relationship" and the necessity of appeal to the enforcement experience of the United States.

Ключевые слова: арбитражный процесс, правоотношение, групповой иск.

Keywords: arbitration process, relationship, group action.

В России формирование института групповых исков находится в зачаточном состоянии и представлено до настоящего времени в форме теоретических разработок. С практической точки зрения, институт групповых исков нашел свое отражение в арбитражном процессуальном законодательстве в главе 28.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее по тексту – АПК РФ), в форме особой разновидности экономических споров с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Согласно ч. 1 ст. 225.10 АПК РФ юридическое или физическое лицо, являющееся участником правоотношения, из которого возникли спор или требование, вправе

обратиться в арбитражный суд с иском в защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов других лиц, являющихся участниками этого же правоотношения.

Из указанной нормы можно выделить следующие характерные черты группового иска в арбитражном процессе:

1) спор, указанный в исковом заявлении, должен подпадать под категории дел, предусмотренные ст. 225.11 АПК РФ, т. е. относиться к подведомственности арбитражных судов;

2) на момент подачи заявления должно быть минимум пять лиц, присоединившихся к требованию инициатора (в сумме, как минимум – шесть заинтересованных лиц);

3) участники группы и инициатор должны быть связаны одним и тем же правоотношением, из которого возникло требование.

Наибольший интерес, а также сложность для нас представляется понимание «единого правоотношения» из которого возникло спорное требование, что представляет собой краеугольный камень понимания правовой природы групповых исков в целом, а не только применительно к арбитражному процессу. От правильности оценки и понимания данной категории и зависит возможность существования групповых исков как самостоятельного процессуального института.

Как отмечает Забродин Д. М., условие единого правоотношения до конца не определено ни в теории арбитражного процесса, ни в судебной практике. Из-за этого арбитражные суды часто отказываются рассматривать требования в порядке гл. 28.2 АПК РФ и прекращают производство по делу [1, с. 158].

В теории гражданского и арбитражного процесса, говоря о правоотношении как таковом, большинство исследователей берут за основу определение правоотношения, предложенное С. С. Алексеевым, а именно возникшая на основе нормы права индивидуализированная связь между лицами, характеризующуюся наличием субъективных прав и обязанностей и поддерживаемую принудительной силой государства [2, с. 82].

И если к определению понятия «правоотношения» не возникает вопросов, то вот что понимать под «единым» правоотношением, учитывая, что законодатель не дает хоть каких-либо значимых и объективных критериев «единства» правоотношения из которого возник спор, затрагивающий интересы группы лиц, оставляя решение данного вопроса на усмотрение суда.

Попытки сформулировать определение «единого правоотношения» через конкретные модели спорных ситуаций также не дает нам точного ответа на вопрос о том, что понимать под «единым правоотношением».

Так, С. В. Левичев в качестве примеров единых правоотношений использует договор аренды земельного участка с множественностью лиц на стороне арендатора и залог земельного участка, на котором будет осуществляться строительство многоквартирного жилого дома, принадлежащего застройщику на праве собственности, в обеспечение договора долевого участия [3, с. 27].

Однако в данном случае правильнее говорить не о наличии единого правоотношения, из которого может возникнуть спор, а наличие индивидуальной правовой связи между участниками такого правоотношения.

Неудачное использование критерия единого правоотношения отмечает и Р. М. Ходыкин.

На основании анализа законодательства ученый делает вывод о том, что если стороны имеют одинаковые интересы, есть общие вопросы права и факта, и требования подтверждаются общими доказательствами, но формально правоотношение не одно и то же, то арбитражный суд будет рассматривать требования таких лиц в индивидуальном порядке или при помощи конструкции процессуального соучастия, что потребует участия представителей всех сторон, а также значительно затруднит рассмотрение дела [4, с. 136].

Что касается судебной практики, то выработанное определение категории «единого правоотношения» как «общественного отношения урегулированное нормами права, возникающее по поводу одного и того же предмета между одними и теми же участниками» [5] также может выступать предметом отдельной критики по следующим причинам:

1) Суды раскрывают понятие единого правоотношения через понятие единства предмета иска, т. е. наличие у группы лиц единого требования, обращенного к ответчику по поводу нарушенного права.

Иными словами, единство предмета иска означает, что лица, присоединившиеся к требованию, являются участниками одного правоотношения, т. е. фактически единое правоотношение определяется через термин «одно правоотношение» - по сути, само через себя.

2) Некорректное использование определения «участник правоотношения» применительно к групповому иску, поскольку участником спорного правоотношения может выступать и ответчик, который по логике гл. 28.2 АПК РФ не является членом группы.

Путаница в терминологии, отсутствие каких-либо определенных формальных и объективных критериев, позволяющих выделить «единое правоотношение» и привело к ситуации, когда инициировать производство в порядке, предусмотренном главой 28.2 АПК РФ представляется практически невозможным, что и подтверждается крайне скудной судебной практикой, ограничивающейся в большинстве случаев отказами в рассмотрении дела в порядке главы 28.2 АПК РФ [6].

Кроме того, на наш взгляд, даже буквальное понимание словосочетания «являющиеся участниками этого же правоотношения» как участие в одном правоотношении не позволит предъявить такой иск по тем категориям дел, которые перечислены в ст. 225.11 АПК РФ (корпоративные споры, споры, связанные с осуществлением деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг), поскольку участники спора зачастую не связаны одним правоотношением и имеют собственный правовой интерес.

В связи с этим в «Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» предлагается в качестве одного из условий предъявление группового иска заменить критерий «единого правоотношения», на критерий «однородности предмета и основания требований» [7], что также не вносит ясности в понимании концепции единого иска из-за того, что авторы данной концепции не приводят объяснений того, что они понимают под словом «однородные требования», кроме того, в данной концепции авторы предлагают предъявлять групповые иски в защиту общих прав и законных интересов, что никак не тождественно понятию однородного предмета и основания, да и в принципе говорить об однородности не приходится.

В связи с вышеизложенным, крайне затруднительно дать такую общую характеристику групповым искам, институт которых закреплен в действующем процессуальном законодательстве РФ, который позволил бы оперировать объективными терминами и критериями, если мы будем брать за основу только положения гл. 28.2 АПК РФ, с учетом того, что материально-правовая основа группового иска - «единое правоотношение» не имеет четких и объективных критериев, а, следовательно, не может использоваться при квалификации групповых исков.

Кроме того, с позиции гл. 28.2 АПК РФ групповой иск – это иск с заранее известным числом участников группы, в интересах которых и предъявляется данный иск, однако изначальная идея группового иска, выработанная в судебной практике, как направленная в защиту неопределенного круга лиц на момент возбуждения такого производства, фактически не реализована.

С учетом сказанного, на наш взгляд, предпосылкой права на иск в материальном смысле должно выступать не наличие связи лиц в рамках одного спорного материального

правоотношения и не наличие определенного количественного состава лиц в таком правоотношении, а наличие факта участия в конкретном материальном правоотношении, без необходимости выявления неких связей в рамках конкретного правоотношения.

Но даже наличие такой предпосылки, при условии отсутствия четких и объективных критериев, закрепленных в законодательстве, теряет всякий смысл, поэтому, полагаем необходимым обратиться к опыту законодательства США, где институт групповых исков – это реально работающий механизм, при этом условия, характеризующие данный вид производства достаточно просты для понимания и не требуют обращения к дебрям словесной беллетристики современной теории и судебной практики.

Согласно правилу 23 Федеральных правил гражданского процесса «один или несколько членов группы могут предъявить иск или быть истцами по иску в качестве стороны, интересы которой будут представлять, от имени всех членов группы, только если:

1) Группа настолько многочисленна, что присоединение (т. е. непосредственное участие) в процессе всех ее участников невозможно;

2) Наличие вопросов права или факта, общие для всей группы;

3) Требования или доводы истцов представителя группы идентичны требованиям или доводам всех участников группы;

4) Представители будут добросовестно и адекватно защищать интересы группы» [8].

Таким образом, групповой иск по американскому законодательству характеризует наличие общих для данной группы вопросов права или факта (к примеру, невыплата дивидендов по акциям крупных акционерных компаний) и идентичные требования участников такой группы (к примеру, требования о выплате данных дивидендов, обращенные к акционерному обществу, однако размер таких выплат будет различаться в зависимости от числа акций у конкретного акционера и т. п.).

Кроме того, такая концепция характеризует идею групповых исков как эффективного способа массовой защиты неопределенного круга лиц.

Таким образом, логичным представляется понимание института «групповых исков» через призму американского законодательства, опыт которого и следовало бы закрепить в действующем АПК РФ.

Литература

1. *Забродин Д. М.* Групповые иски в арбитражном процессе России: проблема единого правоотношения // Закон, 2013. № 12. С. 156-162.
2. *Алексеев С. С.* Общая теория права. Т. II. М.: Юрид. Лит., 1982. 360 с.
3. *Левичев С. В.* Субъекты группового иска на стороне истца // Арбитражный и гражданский процесс, 2011. № 10. С. 26-30.
4. *Ходыкин Р. М.* Некоторые вопросы применения новых положений Арбитражного процессуального кодекса РФ о групповом производстве // Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа, 2010. № 1. С. 132-143.
5. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 26.05.2011 по делу № А46-5540/2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Московского округа от 01.12.2011 по делу № А40-152425/10-155-1237. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Девятого ААС от 29.09.2010 # 09АП-22376/2010 по делу № А40-173707/09-159-1277. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. «Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»: одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124 (1). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Federal Rules of Civil Procedure. Rule 23. [Electronic resource]. URL: http://www.law.cornell.edu/rules/frcp/rule_23/ (date of access: 15.12.2016).

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»
[HTTP://WWW.SCIENCEPROBLEMS.RU](http://www.scienceproblems.ru)
EMAIL: [ADMBESTSITE@NAROD.RU](mailto:admbestsite@narod.ru)

 РОСКОМНАДЗОР
СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИ № ФС 77 - 62020

 НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU